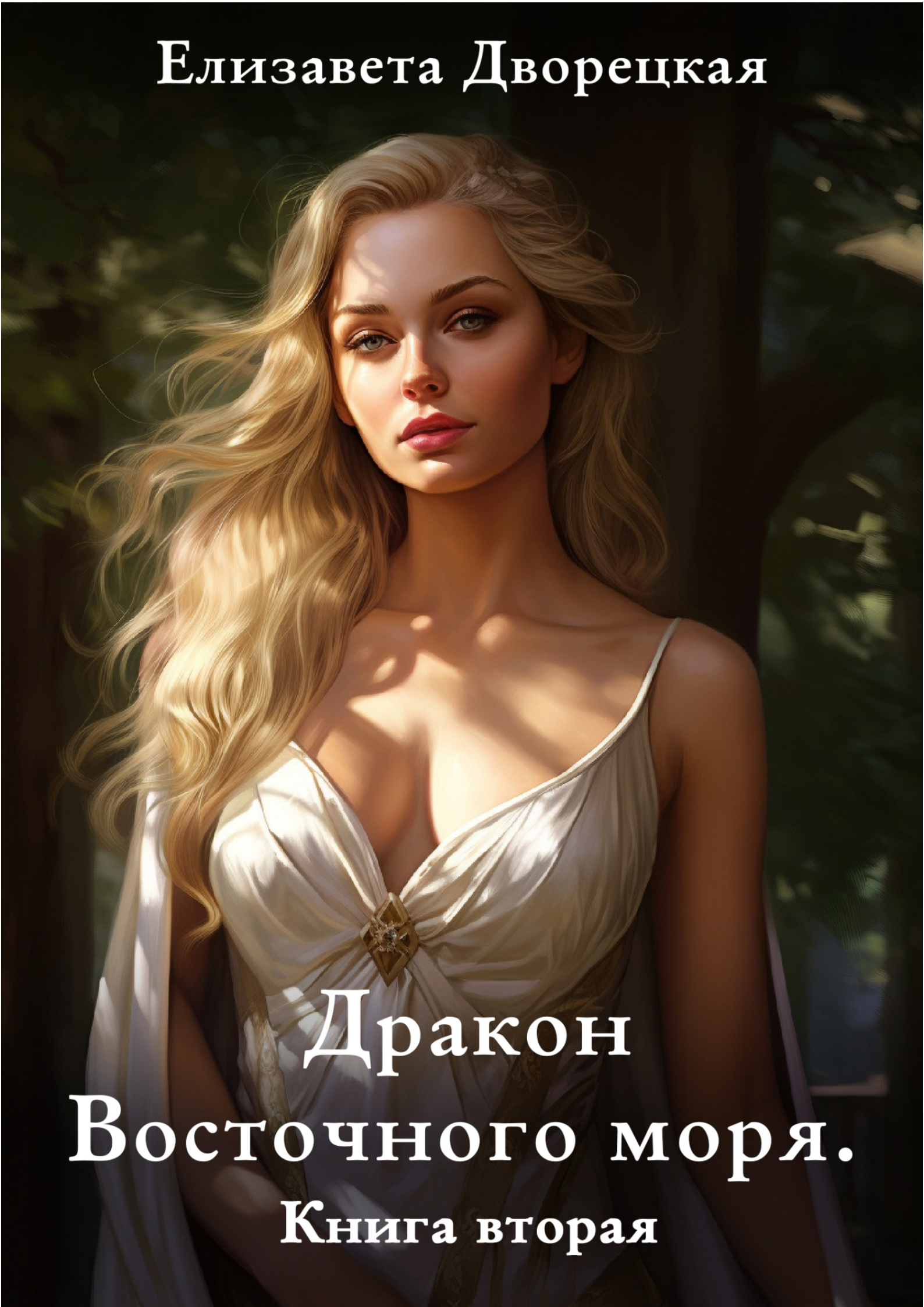
Елизавета Дворецкая



Дракон Восточного моря.

Книга вторая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Дракон восточного моря. Книга 2

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Дракон восточного моря. Книга 2 / Е. А. Дворецкая — «Автор», — (Корабль во фьорде)

Торвард конунг, несущий в себе тяжелое проклятье, постоянно ищет сражений, чтобы дать выход духу разрушения, который в нем живет. Но чем сильнее он желает смерти, тем труднее его убить – такова двойная суть его проклятья. Прибыв на Зеленые острова, он одерживает несколько побед, чуть не гибнет в схватке с великаншей, а потом находит на одном из островов Крепость Теней – древний курган, таящий проход в Иной мир. Проникнув внутрь, Торвард видит меч по имени Каладболг – Созидающий Земли, принадлежащий Боадагу, местному божеству и королю Иного мира. И Торварду не миновать столкновения с Боадагом – Красный Король Холмов в том и в этом мире неотступно преследует Элит, подругу Торварда, заключающую в себе дар священной власти над островом старого короля Миада.

© Дворецкая Е. А.
© Автор

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 22
Глава 3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Елизавета Дворецкая
Крепость Теней

Глава 1

Влажная и теплая зима на Козьих островах неприметно сменялась весной. Дождей стало меньше, потеплело, на крутых склонах самых высоких гор по-прежнему продольными полосами лежал снег, не сходивший круглый год, зато в низинах у моря уже вовсю лезла из земли свежая молодая трава и раскрывались мелкие пестренькие цветочки. Овцы приносили ягнят, на скалах суматошно кричали морские птицы, а островитяне собирали яйца.

С каждым днем Торварда все сильнее томило беспричинное, но неистребимое беспокойство. Зимнее затишье кончилось, проклятье снова скребло и царапало душу. Он опять стал раздражителен, пару раз наорал на дружину и с трудом сдерживался, чтобы вести себя пристойно хотя бы с госпожой Айнедиль. Стараясь заглушить клокочущую ярость, он каждый вечер напивался до бесчувствия, лишь бы обеспечить себе глухой каменный сон без сновидений, а утром, поднявшись с тяжелой головой, обливался ледяной водой и упражнялся до жестокой боли в мышцах. Любой ценой ему нужно было отвлечься от своего томления и не допустить, чтобы оно причиняло вред тем, кто рядом. Ибо вокруг опять были свои – своя дружина, своя женщина, – и Торвард знал, что становится для них опасен. Ласки королевы Айнедиль уже не утешали его, и он знал, что средство остается одно – новый поход. Его тянуло в море с такой силой, что пребывание на одном месте причиняло настоящую боль. Какие-то голоса день и ночь звали куда-то вдаль, обещая, что там, за морским горизонтом, он наконец найдет облегчение.

В этом состоянии для него стало настоящим подарком известие, что какой-то вождь высадился с дружиной на северном берегу Фидхенна и разорил две деревни. Принес эти вести низкорослый пастушок, темноглазый, с жесткими рыжими волосами, которые показывали, что, кроме дочерей круитне, среди его предков были и сыны уладских племен. Звали его Ку-Аллайд, что на местном языке означает «дикая собака», то есть он являлся к тому же тезкой знаменитейшего из уладских героев.

– Это лохланнцы! – рассказывал он. – У них такое же оружие, железные шлемы и большие круглые щиты! Они пришли на таком же большом деревянном корабле, как и ты, о король.

– Кого это принесло? – Торвард хмыкнул. – Ну, кто бы ни был этот сукин сын, он появился вовремя. Борода, поднимай всех!

Слухи о набеге уже разлетелись по Арб-Фидаху, и фьялли быстро собирались к дому королевы, понимая, что понадобятся своему вождю.

– Должно быть, это те же люди, что разоряли наш остров осенью, – говорила королева Айнедиль. – И их вождь – тот же, что убил моего прежнего мужа, Геймара ярла. Он думает, что теперь Фидхенн совсем беззащитен и он может безнаказанно грабить и убивать моих людей!

– И он очень сильно ошибается, мать его так! – весело отвечал Торвард. При этом тревожном известии он оживился, глаза его заблестели, словно он получил приглашение на праздник. Хорошая драка была именно тем, в чем он сейчас нуждался, и он даже надеялся, что явившийся грабитель достаточно силен и привел достаточно большое войско, чтобы ему было где развернуться. – Не грусти, солнце мое! – Он даже погладил королеву по щеке тыльной стороной кисти, поскольку она не раз жаловалась, что ее царапают мозоли на его жесткой ладони. – Если это тот самый стервец, я подарю его тебе. Хочешь, возьму живым, и ты сможешь придумать ему достойную казнь? Только как мне его опознать? Ты же не знаешь, как его звали?

– Он не потрудился назвать свое имя тем, кого лишал жизни и свободы. Но привези его сюда, и я сумею узнать, он ли это был.

Дружина тоже восприняла новость о близком сражении с воодушевлением: за зиму хирдманы соскучились сидеть на одном месте и уже многие поговаривали, что, дескать, не пора ли опять в море – за подвигами и добычей. Но теперь подвиги уж точно, а возможно, и добыча сами пришли на Фидхенн.

Тот же смуглый рыжий пастушок указывал путь, и уже к вечеру следующего дня Торвард конунг со своими ярлами и войском прибыл на северное побережье. За прошедшие несколько дней грабители успели разорить еще пару деревень, и остатки их населения, избежавшие смерти и плена, ютились в горных пещерах, подобно их далеким древним предкам. Однако Ку-Аллайд хорошо знал все эти пещеры, в которых и сам летом нередко ночевал, кочуя по горным пастбищам со своими козами. Поэтому скоро он привел к Торварду новых очевидцев, и конунг фьяллей узнал еще некоторые подробности.

На Фидхенн высадился не один, а сразу два вождя, пришедших сюда совместно. Но союз сам по себе выглядел удивительно, поскольку один из этих вождей был и правда лохланнцем – он-то и нападал на деревню Ку-Аллайда, – а второй происходил с острова Туаль! Это Торвард понял сам, когда ему описали бронзовые шлемы с фигурками вепрей на верхушках и огромные шестиугольные щиты, закрывающие бойца почти от головы до ног. Все это было ему памятно по прошлому году.

– Это тебе, конунг, привет от фрии Эрхины! – сообразил Эйнар. – Видно, она поняла, что одним проклятьем тебя не возьмешь, и решила еще раз попробовать достать нас острыми мечами!

– Да разве у этих козлов мечи? – бросил Ормкель, презиравший надменных туалов с их давно устаревшим вооружением. – Ухочистки какие-то, вроде твоей!

– Это вещь называется копоушка! – снисходительно пояснил Эйнар, который действительно носил на поясе не только гребень для расчесывания своих светлых кудрей, но и несколько изящно сделанных вещичек для содержания в чистоте ушей, зубов и ногтей. – Тебе, разумеется, откуда это знать, ты ведь вырос в лесу, в заброшенной медвежьей берлоге. Подберешь, бывало, какую-нибудь корягу и давай в зубах ковырять, только треск стоит! Но когда мы добудем пару туальских мечей, ты легко сможешь почистить ими свои уши – там уже все так закаменело, что простая копоушка не поможет!

– Умен ты не по годам! – отозвался Ормкель. – Тебе вроде уже лет двадцать пять, а ума как у пятилетнего!

– Но как могла Эрхина узнать, что ты здесь, конунг? – усомнился Халльмунд. – От нас вроде туда за всю зиму ни одного корабля не прошло.

– Ты забыл, Халле, кто она такая, – улыбнулся Сельви. – Фрие острова Туаль не нужно расспрашивать торговцев, чтобы узнать новости. Она получает свои знания прямо из тех пределов, где сплетаются нити всего и уже существующего, и того, чему еще только предстоит когда-то родиться.

Ормкель проворчал что-то насчет разных мест, где он хотел бы видеть фрию Эрхину. Торвард молчал во время этой беседы, сжав зубы. Эрхину он ненавидел так, что все внутри скручивалось при одной мысли о ней. Она, наложившая проклятье, могла бы, наверное, его снять, но Торвард знал, что никогда она этого не сделает, даже если он приставит нож к ее горлу. По своему непримиримому упрямству эта женщина была более чем достойным соперником даже для него. К тому же чары, наложенные кюной Хердис поверх проклятья Эрхины, так все запутали в его судьбе, что распутать эти нити было уже невозможно – только переплавить получившуюся смесь и выковать из нее новую судьбу для себя. Но до этого еще оставалось очень далеко. А само то, что фрия Эрхина снова дала о себе знать, «привет от нее», как выразился бессовестный Эйнар, словно плеснуло масла на угли его ненависти к ней. И к сча-

стью, теперь он мог выбросить свою ярость если не на непосредственную виновницу, то хотя бы на ее посланцев.

– Конунг, хоть кого-то нужно взять живым! – сказал Сельви, ясно видя все это на его напряженном лице. – Мы-то не ясновидящие и из источника Мимира черпать не умеем. Кто-то из них должен рассказать нам, что она задумала и чего хочет, иначе в будущем еще могут быть неожиданности.

– Ну, всех-то я сразу не перебью! – глухим от напряжения голосом выдавил Торвард. Его кулаки сжимались сами собой, хотелось крушить все вокруг, и он изо всех сил подавлял разрушительные порывы, помня, что находится среди своих. – Кто-нибудь один, надеюсь, останется. Пойдем. Где они, эти уроды?

Местные жители показывали дорогу, и уже вскоре Торвард сам увидел вдали на плоском берегу довольно большой корабль – дреки, один из тех, что ходили вдоль берегов Морского Пути.

– Весел на двадцать, – остроглазый Арнор Меткий вгляделся. – И людей возле него… человек сто будет, а то и больше.

– Разве это много? – Халльмунд пожал плечами. – У нас втрое больше. Даже размяться как следует не успеем.

– Точно, не успеем. – Торвард кивнул. – Но терять людей без надобности я не собираюсь. Поэтому ты, борода, с твоими вообще драться не пойдешь. Останешься сзади. Поможешь, если что. Но это вряд ли понадобится.

– Что ты хочешь делать?

– Я хочу дать им возможность спокойненько приготовить еду. Нападем в сумерках, но пока еще не стемнеет совсем. Разговаривать, раскланиваться и назначать время битвы я не собираюсь. Мне нужно одного взять живым, остальных перебить, вот и все. Чтоб другим неповадно было лазить грабить острова, на которых зимует конунг фьяллей. Если это туалы, значит, не те, кто прогулялся тут прошлой осенью, и Айнедиль эти люди не нужны.

– А лохлан… тьфу, сэвейги? Может, это они – перезимовали на Туале и вернулись весной походить тут опять?

– Ладно, разберемся. Туалов человек сорок, остальные сэвейги. Видно, с того корабля. Туалы-то на своих «коровьих шкурах» сами через море не ходят, ждут, пока перевезет кто.

Похоже было, что этот день пришельцы посвятили грабежу еще каких-то местных поселений – возле корабля виднелось несколько малорослых местных коров и овец, а две туши уже жарились на кострах. Стан был разбит на опушке рощи, которая прикрывала людей от ветра. Им поневоле приходилось оставаться под открытым небом, чтобы не отходить далеко от корабля, да и не нашлось бы на острове Фидхенн такого большого поселения, кроме самого Арб-Фидаха, способного принять сотню чужаков.

Пока мясо жарилось, пришельцы подкреплялись сыром и хлебом, разложив припасы прямо на положенных на землю щитах, как все обычно делают в походе. Захваченной в селениях местной браги, сделанной из кислого молока, на всех не хватало, и запивать еду приходилось просто водой. Сэвейги расположились отдельно, туалы тоже, но за время совместного похода они уже несколько притерлись друг к другу, многие угощали соседей глотком браги, пытались разговаривать, объясняясь в основном знаками, кое-где даже смеялись.

Вожди расположились рядом, и многие сказали бы, что такую пару не часто увидишь. Знатный туал, Криодайм сын Треана, по прозвищу Яростный Вихрь, был рослым, как почти все уроженцы священного острова, здоровяком с румяным лицом и рыжими вьющимися волосами. Рядом с ним лежал бронзовый шлем, украшенный позолоченными накладками и фигуркой вепря. Лицо вождя выражало высокомерие и надменность. Туалы не любили покидать свой остров, считая его не только серединой земли, но и единственным местом, имеющим какое-то значение. За морем они чувствовали себя неуютно, словно роняют свое достоинство уже

тем, что прикасаются к недостойной их чужой земле, пьют ее воду, дышат ее воздухом. Но его погнала сюда воля той, что имела власть над судьбой каждого смертного, и Криодайм считал за честь повиноваться ей.

Товарищ его, Гуннар сын Рагнэйд, решительно ни в чем на него не походил. Родился он в племени хэдмаров, матерью его была одна вдова, а отцом – кто-то из дружины прежнего хэдмарландского конунга Альгаута. По обычаю, двор хэдмарландских конунгов всю зиму кочует по стране, перебираясь из харада в харад, и местные жители в складчину кормят его – в этом и заключается в основном взимаемая с них дань. После одного из таких посещений вдова Рагнэйд забеременела, но когда сперва соседи, а потом и подросший сын спрашивали ее об имени отца, только разводила руками. То ли не удосужилась второпях это выяснить, то ли возможных отцов было несколько. Но тот, несомненно, был отважным воином, поскольку юный Гуннар с детства испытывал тягу к оружию и походам и сбежал и дома, вступив в дружину проплывавшего мимо «морского конунга» Оттара Толстого, когда ему сравнялось всего тринадцать лет.

Необученные парни, не державшие до того в руках настоящего меча и отправляющиеся на подвиги в столь юном возрасте, обычно повзрослеть не успевают, ибо гибнут в первые же месяцы, если не в первые дни. Но Гуннару повезло – он выжил, быстро обучился и защищаться, и нападать, и понимать, когда лучше вообще не лезть, а тихо пересидеть в углу. К тому же он был весьма ловок, сообразителен и неплохо ладил с людьми, что позволило ему лет пять назад занять место погибшего Оттара Толстого, унаследовать его корабль и власть над дружиной. Не будучи особенно рослым и сильным, Гуннар носил на плечах волчью шкуру с болтающимися спереди лапами и уверял, что умеет превращаться в волка. В ночи полнолуния он действительно исчезал, и издалека в такие ночи доносился грозный волчий вой. Своими глазами его превращений за двадцать лет так никто ни разу и не видел, но в дружине его уважали.

Невысокий, подвижный, светловолосый, с невыразительным лицом хуторского простачка, Гуннар, однако, был довольно умен и хорошо соображал, где и чем можно поживиться. Прослышав, что остров Туаль побежден конунгом фьяллей Торвардом и легендарная защита острова, веками оберегавшая его от чужаков, исчезла, Гуннар Волчья Лапа повел своих людей на поиски добычи. Однако оказалось, что и без волшебной защиты на Туале остались мужчины. Первый его натиск оказался отбит, но вслед за тем Криодайм Яростный, считавшийся в это время военным вождем Туаля, предложил Гуннару союз. Гуннар должен был на своем корабле переправить Криодайма с его людьми через море и помочь отыскать Торварда Рваную Щеку.

– Это далеко и опасно. – Поначалу Гуннар хотел отказаться. – До Фьялленланда отсюда не ближний путь, да идти мимо Хэдмарланда – а если Роллауг конунг прознает, что мы задумали, он нас мимо своих берегов не пропустит.

– Во Фьялленланд идти не надо. Фрия Эрхина, в мудрости, дарованной ей Богиней, узнала, что ее враг находится на Козьих островах. Ты отвезешь нас туда, и за это я позволю тебе взять там любую добычу, которую ты пожелаешь.

– Вообще-то на Козьих островах я и сам любую добычу возьму, – хмыкнул Гуннар. – Там осенью Эдельгард ярл из Винденэса знатно погулял – на Тюленьих островах рассказывали, он там сотню пленных по дешевке отдавал. Я еще думал, чтой-то знатный ярл так продешевил-то, когда у них в Винденэсе свой рабский рынок есть – вези туда да знай марки серебра завешивай. А сказали, что он домой-то не собирался зимой – ушел на Эриу. Вот кабы он еще на Козьих оставался, я бы туда не пошел, знаешь ли. Мы люди простые, нам сыновья конунгов не по зубам.

– Но пока там остается Торвард конунг, ты тоже не много возьмешь! – усмехнулся Криодайм. – Он ведь уже не *сын* конунга, он *сам* конунг!

– Это да, это твоя правда. – Гуннар с придурковатым видом поскреб в затылке. – А теперь, значит, тебе Торвард конунг, а мне добыча?

– Да. Мне нужен мой враг.

– Ну, тогда идет, – решил Гуннар. Сражаться с Торвардом Рваной Щекой он совершенно не собирался, и если устранение того возьмет на себя этот рыжий, то отчего же не сходить с ним на Козьи острова?

Ожидания оправдались: конунг фьяллей, по уверению захваченных пленных, действительно находился на острове Фидхенн и зимовал в Арб-Фидахе, считаясь мужем местной королевы. Криодайм Яростный скрипел зубами от злости, а Гуннар тайком ухмылялся в светлую бороду: похоже, Торвард сын Торбранда вознамерился причислить к своим женам, хотя бы временным, повелительниц всех западных островов, которые по старинному порядку управлялись женщинами. Но поскольку Айнедиль с Фидхенна – не фрия Эрхина, здесь он справился гораздо быстрее и легче. И когда Криодайм разделается с Торвардом, он, Гуннар, на Фидхенне уже не будет иметь соперников. То есть вся здешняя шерсть, скот и пленники, пригодные для продажи, достанутся ему. Даже королеву местную можно будет увезти в тот же Винденэс и там продать за три марки серебром. А можно остаться с ней здесь. Чем он, Гуннар, хуже прочих и почему бы ему не стать достойным королем для этого занюханного Фидхенна?

Сидя на кошмах и овчинах, брошенных на холодную весеннюю землю, два вождя ждали, пока поджарится мясо, закусывали хлебом и сыром и спорили, что делать дальше. Криодайм считал, что нужно побыстрее идти к Арб-Фидаху и вызвать Торварда на бой, а Гуннар, напротив, склонялся к мысли, что нужно взять как можно больше добычи, пока Торвард ничего о них не знает. Ибо потом может оказаться поздно.

– Да ты иди один, я же тебя не держу! – убеждал Гуннар. – Я чего обещал, то и выполнил, на Фидхенн тебя доставил. Надо будет, и обратно доставлю, не сомневайся. А сражаться с Торвардом конунгом вместе с тобой я не обещал. Мне и здесь добычи хватает. Золота на Козьих островах никогда не было, это тебе не Эриу, а шкур и пленных я и тут наберу.

– Но ты обещал оказывать мне поддержку! А у Торварда конунга может оказаться слишком много людей.

– Так ты же на поединок его вызывать собираешься, так и что тебе за разница, сколько у него людей? С людьми уже потом разберешься… когда выяснится, кто из вас останется жив.

– Победа в нашем поединке предназначена мне, ибо такова воля фрии Эрхины! – надменно ответил Криодайм.

– А Торвард конунг-то знает об этом? – Гуннар опять ухмыльнулся в бороду. – Я так понял… на волю фрии Эрхины он давно уже наплевал с крыши корабельного сарая, извини, о яростный герой.

– Воля фрии Эрхины – это воля Богини! И ни в чем не будет удачи тому, кто посмеет ею пренебречь!

– Кто бы сомневался! – с видом искренней простодушной веры ответил Гуннар. – Про ваши туальские раздоры с конунгом фьяллей и так по всем семи морям разговоры идут второй год. А я что? Вы – люди сведущие, вам виднее. А я до сих пор добычу на пальцах считаю. Так и мне в ваши дела вмешиваться причины нет. Это тебе, видать, фрия Эрхина обещала…

– Не смей рассуждать о ней! – прервал его Криодайм. – Что ты понимаешь в делах Богини?

– Где уж мне! – Гуннар поднял ладони. – Мне бы овчин хороших, рабов помоложе – и довольно. Поэтому идти в Арб-Фидах к Торварду конунгу мне никак не с руки… Тем более что он сам уже здесь!

Последние слова Гуннар выпалил скороговоркой, расширенными глазами глядя в рощу. Между стволов он заметил движение – мелькнул железный купол шлема, за ним еще – и еще, еще. Гуннар сразу узнал хорошо знакомые очертания шлемов с полумасками, которые носили в Морском Пути, – а значит, это были люди Торварда Рваной Щеки, другим сэвейгам здесь взяться неоткуда.

Едва успев испустить тревожный крик, сидевший на земле Гуннар опрокинулся спиной назад и сразу попал головой в собственный шлем, лежавший на земле позади него. Кругом тоже закричали, люди стали вскакивать, хватать свое оружие, предусмотрительно положенное рядом, и щиты, с которых во все стороны летели обкусанные куски хлеба, сыра, поясные ножи, питейные рога или кожаные кружки и прочие мелочи. А из рощи на поляну уже бежали вооруженные воины, яростно рубя всех подряд – и тех, кто успел вскочить, и тех, кто еще сидел.

Пользуясь внезапностью нападения, фьялли перебили многих еще до того, как хэдмары и туалы успели толком вскочить и найти свое снаряжение. Головы, не защищенные шлемами, раскалывались под ударами секир и мечей, а тот, кто не успел поднять щит, погибал от первого-второго удара. Криодайм бился в самой гуще схватки, оправдывая свое прозвище, но, поскольку на своем продолговатом шестиугольном щите он во время нападения сидел, а напали на него вовсе не снизу, то очень скоро его яростный порыв был остановлен сразу двумя пронзившими его копьями. Бессовестный Торвард конунг, которого заслуженно ненавидели на острове Туаль, даже не пожелал сойтись с мстителем в честном поединке и предоставил расправу с ним своим людям.

Туалы падали один за другим. Хэдмары оборонялись несколько более успешно, но и их превосходящие числом фьялли уверенно теснили с поляны. Видя, что их могучий союзник мертв, хэдмары один за другим стали отступать и обратились в бегство, надеясь раствориться в густеющих сумерках.

Сам Гуннар бился с каким-то могучим, рослым противником – снаряжение и оружие того обличали знатный род и богатство, а сила и выучка – потомственного воина. Благодаря своей ловкости и опыту Гуннар пока еще уходил из-под клинка, но от щита его уже остался один только умбон на ручке, которым он еще каким-то чудом отбил несколько сильных ударов. О, как проклинал он сейчас коварных норн, которые обманули их обоих: Криодайму не позволили сойтись с его ненавистным соперником, а его, Гуннара, заставили биться с конунгом фьяллей, чего он решительно не собирался делать!

– Торвард конунг, я сдаюсь! – закричал он, понимая, что иначе будет мертв через пару коротких мгновений. – Пощади меня, я расскажу тебе много любопытного!

Отскочив назад, он поднял над головой левую руку с остатками щита. Его противник остановился и опустил меч, держа, однако, собственный наполовину обломанный щит наготове и не спуская с Гуннара настороженного взгляда.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Мое имя – Гуннар Волчья Лапа, я старший на том корабле, что на побережье, и над моими людьми.

– «Морской конунг»?

– Да, так нас обычно называют.

– А сюда как попал?

– Сей туальский муж, по имени Криодайм Яростный, нанял меня, чтобы я перевез его сюда. Он искал тебя, Торвард конунг. И если ты пообещаешь мне жизнь, я расскажу, зачем именно.

Его противник оглядел поляну. Схватка уже закончилась – везде лежали тела туалов, фьялли поднимали своих раненых. Тогда он расстегнул ремень и снял шлем. Гуннар, не знавший Торварда в лицо, подобострастно ловил его взгляд.

– Я – не конунг, – пояснил ему победитель. – Я – Халльмунд сын Эрнольва. Идем, я отведу тебя к конунгу.

Разгоряченные схваткой фьялли уже снимали шлемы, и теперь Гуннар без труда узнал настоящего Торварда – среди собственной дружины того резко выделяла смуглая кожа и черные волосы длиной до лопаток. Преобладающие у потомков древнего племени круитне черные волосы, темные глаза и смуглая кожа в землях Морского Пути встречались чрезвычайно редко.

Поэтому не требовалось даже разглядывать под черной щетиной длинный шрам на правой щеке Торварда, чтобы угадать его среди других ярлов, не уступавших ему богатством оружия и поясов.

Еще тяжело дыша, Торвард улыбался и даже посмеивался, слушая, что ему говорит Эйнар. Он первым врубился в туальский строй, и если не пошел сам на Криодайма, то по двум причинам: во-первых, не хотел оказать посланцу Эрхины эту честь, а во-вторых, не желал терять время на одного противника, когда вокруг их было много. Оруженосец Регне уже вытер кровь с его меча и вернул хозяину, а Виндир Травник, после сражений исполнявший в дружине обязанности главного лекаря, наклонив к себе его голову, разглядывал ссадину на подбородке.

– Вот, конунг! – Халльмунд подвел к нему пленника. – Это вождь сэвейгов, «морской конунг», он сдался.

Торвард окинул Гуннара взглядом.

– Эй, Грим! – окликнул он одного из молодых дренгов, который в дальнем походе был с ним в первый раз. – Посмотри сюда! – И кивнул на умбон с ручкой от щита, которую Гуннар до сих пор держал в руке. – Помнишь, что я тебе говорил? Вот тебе наглядный пример. Когда у тебя зацепят щит и вырвут, останешься с одной ручкой, как ты в прошлый раз. Но если щит сделан на совесть, а не кое-как, то у тебя останется не одна ручка, а ручка и умбон! И с ними уже можно продержаться то время, пока будешь кричать, что сдаешься.

– Ну, что ты, конунг! В этот раз у меня щит почти целый остался! – ухмыляясь, под смех товарищей оправдывался Грим Проворный, румяный парень с прилипшими к взмокшему лбу светлыми волосами. – И вообще я не буду кричать, я умру героем!

– Ну и дурак! Из плена еще можно освободиться, а если умрешь героем, то это уже навсегда! Ну, и зачем он мне нужен? – Наконец Торвард снова посмотрел на Гуннара.

– Он говорит, что знает, кто это был и зачем, – пояснил Халльмунд.

– Да я его и так узнал. – Торвард бросил взгляд на тело Криодайма, которое уже подняли, освободили от копий и положили лицом вверх. – Помню я этого кудрявого… Среди первых там числился, все рвался кабана делить… Ну, чего ему было надо? – обратился он к Гуннару. – Говори, раз уж знаешь.

– Это действительно Криодайм, его прозвище Яростный Вихрь, Торвард конунг, – торопливо заговорил Гуннар. Торвард тем временем поднял прямо из-под ног кусок хлеба, оставшийся от незавершенной трапезы побежденных, и принялся жевать, мешая Виндиру промывать ему ссадину на подбородке. – Он меня нанял, чтобы перевезти через море с Туаля сюда. Он искал тебя. Его люди моим ребятам говорили, что-де будто бы фрия Эрхина пообещала избрать его… куда-то там, это каким-то боком с курганом связано, но это мы не поняли. Они же, туалы, так говорят, будто камни жуют, не поймешь ничего!

– Я знаю, при чем там курган, – утешил его Торвард. – У них же скоро Праздник Костров, свадьба Богини. Меня там уже нет, Эрхине надо другого мужа выбирать. И она этому козлу обещала, что это будет он, если сначала убьет меня?

– Вроде того, – согласился Гуннар. – Ты сам, Торвард конунг, все знаешь лучше меня!

– То-то и оно. Все я знаю, чтоб его… Ну, и что мне с тобой делать?

– Я готов служить тебе, если будет на то твоя воля, – с видом самой искренней преданности ответил Гуннар. – Я никогда ничего против тебя не имел, Торвард конунг, и сюда меня привела только жажда подвигов и славы. Если тебе нужны люди, то я и моя дружина тебя не подведем.

– А сколько у тебя было?

– Я привел шестьдесят два человека, не считая меня. Ты, наверное, видел мой корабль. Вот только не знаю, сколько из них уцелело… Но все уцелевшие рады будут сражаться под началом столь знатного и прославленного вождя, как ты!

– Посмотрим, – Торвард кивнул. – Иди пока собирай своих людей, пересчитаешь и доложишь. Борода, отпусти его. Кого приведет, посадишь к прочим пленным, потом разберемся. И вот еще… – Торвард окинул Гуннара взглядом. – Шкуру эту при мне не таскай.

– А? – «Морской конунг» сначала не понял, а потом сообразил и даже несколько суетливо сдернул с плеч волчью шкуру, служившую ему плащом и давшую прозвище. – Как скажешь, Торвард конунг.

– Был Гуннар Волчья Лапа, будет Гуннар Освежеванный, – хмыкнул Асбьерн Поединщик.

Но, хотя Гуннару и запретили носить шкуру, на которую имел право только настоящий ульвхеднар, исходом встречи с конунгом фьяллей он остался весьма доволен. Он не кривил душой, и Торвард не напрасно верил в его добрые намерения. «Морскому конунгу» действительно нечего было делить с конунгом Фьялленланда, а искать добычи и славы он так же мог совместно с ним – и даже более успешно. В таких случаях, когда людей сводит на поле битвы всего лишь жажда подвигов и добычи, остатки дружины побежденного почти всегда вливаются в ряды победителей, принося уже их вожаку клятву верности, и соблюдают ее не менее строго, чем клятвы, когда-то данные прежнему вождю – погибшему.

Пока одни собирали убитых и перевязывали раненых, другие занялись устройством стана. Ибо близилась ночь, похолодало, и фьялли, разгоряченные схваткой, уже чувствовали себя неуютно в пропотевших рубахах. Запылали костры, принесли котлы, и Кольгрим принялся распоряжаться приготовлением ужина, оживленно перетряхивая поклажу побежденных. В походе любые припасы пригодятся, надо же людей кормить! В ожидании, пока сварится каша, фьялли по примеру своего конунга подбирали куски хлеба и сыра, не затоптанные во время битвы, – походная жизнь не располагает к привередливости и брезгливости.

К ночи Гуннар, самолично бегая по ближайшим холмам и крича, собрал из своей дружины человек тридцать. Многие были ранены, но убитых он насчитал пятнадцать человек, то есть еще кто-то, как он надеялся, объявится к утру. Оружие фьялли у них пока отобрали, но позволили устраиваться всем вместе в стороне от собственного стана. Немногочисленные туальские пленники – у этих большинство было убито, предпочитая не сдаваться в плен, – сидели связанные под охраной.

Свободные от дозоров укладывались спать, и Торвард тоже лежал на еловых лапах возле костра, завернувшись в плащ. После сражения ему стало хорошо и спокойно – клокотавшая ярость и жажда разрушения, мучившие его, словно какая-то душевная чесотка, нашли достойный выход, и сейчас он был почти от них свободен, хотя и понимал, что это ненадолго. В лучшем случае до утра. Но хотя бы до утра он был намерен мирно проспать, поэтому с большим неудовольствием поднял голову, когда из темноты донесся тревожный крик.

– Ну, кто там еще, так его… – проворчал Торвард, а сам мгновенно оказался на ногах, с мечом в одной руке и щитом в другой.

– Там кто-то идет! Какие-то люди! Вооружены! – кричали дозорные, почему-то со стороны моря.

Разбуженные фьялли мигом вооружились и встали, образовав «стену щитов». Дозорные со стороны моря вернулись к стану и присоединились к остальным. В темноте мелькало множество огней, но никто не понимал, что случилось. Откуда тут взялось еще какое-то войско? Или Гуннар обманул и они с Криодаймом пришли не только вдвоем? Или у того было гораздо больше людей, просто не все оказались на месте во время нападения? А теперь остатки подошли мстить за вождя?

– Вон они. – Торвард наконец разглядел нападавших и взялся за копье, и тут же раздался голос Сельви:

– Конунг, осторожнее! Это не живые!

И тут же все поняли, что он прав. Со стороны моря к ним приближались вереницы синевато-рыжих огней, выходящих прямо из волн. При виде этого зрелища пробирала дрожь, но все же фьялли испугались не так сильно, как могли бы испугаться другие на их месте. Всего пару месяцев назад, в одну из первых своих ночей на Фидхенне, они уже видели нечто подобное – видели души мертвых, выходящих из-под земли и из моря такими же синими огоньками. Тогда ничего плохого им здешние мертвецы не сделали, но как знать, что на уме у *этих?* На сегодняшнюю ночь никакого священного праздника вроде бы не приходилось, а из мира мертвых редко возвращаются с добрыми намерениями.

Постепенно огоньки приближались, в голубоватом сиянии уже можно было различить фигуры и даже лица.

– Это они, – прошелестело по рядам. – Опять притащились…

– Мало показалось!

Все одновременно узнали туалов – тех самых, с которыми сражались совсем недавно. Те же гордые рослые фигуры, кудрявые рыжие и светлые волосы. Те же величавые лица и те же страшные раны – на непокрытых головах, на груди, на плечах. У иных не хватало руки или ноги, но даже последнее не мешало призракам передвигаться.

Торвард шагнул вперед и быстро начертил острием копья на земле перед собой несколько рун. Руны, преграждающие путь нежеланным гостям, засветились красноватым светом, и бесшумно приближавшийся строй мертвецов замер в паре десятков шагов.

– Что вам нужно? – холодно окликнул их Торвард. – Я спровадил вас к Хель или куда вы там уходите. Зачем вы вернулись?

– Вы разделили с нами хлеб, поэтому мы смогли прийти, – ответил ему стоявший впереди, в котором все узнали Криодайма. – Ты не вышел мне навстречу, Торвард сын Торбранда, ты не принял мой вызов, как подобает благородному мужу!

– Вы, туалы, сами обращались со мной не как с благородным мужем, а как с грязью под ногами! – злобно ответил Торвард. Даже после смерти врагов он не собирался с ними мириться. – Вы тоже не озаботились вызвать меня как полагается, когда явились прошлой зимой разорять мой дом, пока меня там не было!

– Но ты…

– Молчать! – рявкнул Торвард. – Я эти песни слышал уже сто раз! Мы с ней, с Эрхиной, уже все обсудили. Она поимела меня, я поимел ее, теперь пусть делает что хочет, а мне до нее дела нет! Я вас больше не трогаю, не трогайте меня и живите как знаете!

– Но ты остаешься ее мужем!

– Мне не нужна жена, которая меня проклинает. А ей не нужен проклятый муж! Я больше не считаю ее своей женой. Можешь так и передать… когда она вызовет тебя ночью на старом кургане!

– Она объявила, что не может избрать нового мужа, пока ты жив. Если не я, то другой герой будет искать твоей смерти, чтобы вместе с тем обрести блаженство ее любви.

– Хоть еще восемь раз. Это все?

– А тебе не знать покоя, счастья и побед, пока не исполнится проклятье и ты не погибнешь, испытав унижения слабости, поражения и позора, которые ты навлек на священную землю Туаля.

– А ты скажи спасибо, что тебя убили, а не отправили обратно на Туаль с таким позором. – Торвард с усилием усмехнулся. – Убить меня вам, туалам, невозможно. Она сама сделала так, что мои сильнейшие желания не исполняются. А я сильнее всего желаю смерти. И потому ходить меня убивать бесполезно. Это тоже можешь ей передать. А теперь иди ты…

В Аскефьорде это называют «послать по старой дороге». Описание пути получилось длинное, запутанное, но вместе с тем не лишенное своеобразной красоты и соразмерности, как линии узоров на старинных поминальных камнях. Торвард вообще отличался большой свобо-

дой в выборе выражений, но, будучи конунгом, знал, что брань служит не только своей прямой цели, но еще неплохо способствует отгону всяческой нечисти. Говорят даже, что в этом состояло ее первоначальное предназначение, забытое за давностью лет, и что в те дремучие времена этим языком владели только жрецы – предшественники нынешних конунгов, которые были для своих земель верховными жрецами и военными вождями одновременно. Торвард сын Торбранда, выросший среди хирдманов и с семи лет спавший обычно в дружинном доме, этими «описаниями древних дорог» владел в совершенстве.

И старое средство подействовало. Фигуры, окруженные голубоватым ореолом, потускнели, сжались вновь до маленьких сине-рыжих огоньков и стали отступать, словно невидимый ветер сдувал их обратно в море.

Вот последний огонек проплясал над волнами и погас. Фьялли вздохнули с облегчением и опустили щиты.

Торвард снова снял шлем и распустил волосы. Так ему было легче дышать и мыслям в голове словно бы становилось просторнее. Это нападение, этот приход свежих покойников были не так уж страшны сами по себе, но они еще раз напомнили, что проклятье его живо. От него нельзя спрятаться на тихом острове Фидхенн или укрыться в объятиях королевы Айнедиль. Оно шло за ним, и Торвард понимал, что самое для него правильное – самому пойти навстречу своей судьбе.

Вернувшись в Арб-Фидах, Торвард приказал готовить корабли к походу.

– Мы хорошо провели эту зиму, много лучше, чем могли рассчитывать, – говорил он вечером на пиру местного праздника, который тут называли День Ягнят. – Но не можем же мы остаться здесь навсегда. Мое проклятье уже приходило сюда за мной, и я не хочу, чтобы оно явилось снова. А мне пора посмотреть, что делается в других землях.

– Было бы очень хорошо, если бы ты, супруг мой, наведался во Фьялленланд и собрал там положенную тебе дань, – отвечала на это госпожа Айнедиль. – Думаю, лета тебе на это хватит. Но я бы хотела, чтобы к зиме ты снова вернулся сюда. К тому времени наш ребенок уже родится, и я хочу, чтобы ты сам дал ему имя.

– Ради такого дела стоило бы вернуться, – мрачно ответил Торвард. Ему сейчас была неприятна мысль о каких бы то ни было обязательствах. – Но, как ты знаешь, каждым человеком правит судьба, а я еще менее прочих властен распоряжаться собой.

– Но ты не можешь оставить меня, нашего ребенка и весь остров без защиты. Как знать, не явится ли сюда опять какой-нибудь вождь и не увезет ли в рабство меня саму вместе с нашим ребенком. Ведь эти люди, – она кивнула на Гуннара с его хирдманами, которые сидели за дальним концом стола, – не те, кого я ждала.

– Да, то, похоже, был Эдельгард винденэсский. Он потом ушел на Эриу.

– Но он может явиться сюда опять!

– После того, что я натворил зимой в Винденэсе, ему теперь не до тебя и твоих коз. Он будет искать меня. И самый верный способ для меня оградить Фидхенн от возвращения Эдельгарда – уйти отсюда. И подальше.

– Мой отец, Эйфинн ярл, владетель Тюленьих островов, будет очень недоволен, если узнает, что его дочь оставлена без защиты! – сдержанно намекнула королева Айнедиль.

Торвард увидел в этом угрозу, а ничем вернее его нельзя было привести в ярость.

– А я не нанимался охранять его дочерей! – рявкнул он и швырнул рог для питья, который держал в руках, прямо в горящий очаг. Пиво брызнуло во все стороны, полетели угли, люди вздрогнули и отшатнулись, только госпожа Айнедиль осталась невозмутима, как и полагается верховной жрице и королеве. – Эйфинн ярл не платит мне денег! И я ни к кому не нанимался, я делаю то, что хочу! И когда хочу! И где хочу! И никого не спрашиваю, где мне быть и что

делать! Если Эйфинна ярла так заботит участь этого куска дерьма, пусть бы сам давал дружины охранять его! А я ему ничем не обязан!

– Но я – твоя жена, и твоя собственная честь требует…

– Я не сватался к тебе. – Торвард, с усилием пытаясь взять себя в руки, сжал кулаки и грохнул по столу перед собой. Заранее готовый к приступу собственной ярости, он запасся терпением, но сейчас чувствовал, что надолго его не хватит. – Я что – просил и умолял? Я, наоборот, еще в тот первый раз, в пещере, сказал, что не могу остаться с тобой надолго, что я проклят и мое проклятье не дает покоя ни мне, ни тем, кто рядом со мной. Я это говорил? Говорил! Я ничего не могу с этим сделать! И если ты тоже ничего не можешь сделать, то хотя бы не мешай мне унести это все подальше отсюда! Ради твоего же блага! Потому что рядом со мной никому хорошо не будет!

Госпожа Айнедиль побледнела и сжала дрожащие губы, стараясь удержать слезы. Торвард отвел глаза: ему было стыдно, но он не мог ничего поделать с тоской и раздражением. Прошлым летом он вот так же ушел из Аскефьорда, чтобы не причинять горя и не приманить беду на своих людей, а теперь вынужден был уходить с Козьих островов, чтобы не навлечь удара судьбы на них.

– Ну, ну! – Сельви встал и примиряюще развел ладони, словно отгораживая спорщиков друг от друга. – Ведь ты, конунг, как мы теперь знаем, в родстве с госпожой Айнедиль. А значит, нам в любом случае не годится оставлять ее без помощи, тем более что Эйфинн ярл и правда может… не понять, посчитать это пренебрежением и бесчестьем, а зачем нам такой сильный враг в этих морях?

– Ты думаешь, я испугаюсь Эйфинна ярла? – Торвард злобно глянул на своего хирдмана. – Я должен тебе или еще кому-то объяснять, кто я такой?

– Конунг! – Халльмунд не выдержал, вскочил из-за стола и кинулся к своему повелителю. – Конунг, уймись! Ведь это не ты, это – *она*!

Торвард мрачно глянул на своего друга и отвернулся. Он знал, что не собственная душа, а Эрхина и ее проклятье заставляет его все это делать, но пока был не в силах побороть чужую волю.

– Не огорчайся, госпожа, мы что-нибудь придумаем! – утешал Хедлейв королеву Айнедиль. Она тоже взяла себя в руки, но оставалась такой же бледной и замкнутой. – Ты ведь жрица, ты понимаешь, какую тяжесть наш конунг на себе носит.

Айнедиль это понимала, но ей очень не хотелось остаться снова одной, на острове, почти беззащитном перед любым «морским конунгом», который поплывет мимо, и с ребенком под сердцем, который родится, не имея отца. В ее положении это было не страшно: среди потомков круитне род считался по женской линии, и ее ребенок получит уважение и права на власть уже потому, что родится от Айнедиль, дочери Градере, внучки Моглионн и правнучки Кальях. А кто его отец – не так уж важно. Но в ее роду не было больше мужчин, способных и наречь, и защитить, и воспитать ребенка как должно, и это мучило ее.

Но все-таки Айнедиль была не Эрхина. Она лучше понимала Торварда и его судьбу и не пыталась свалить лбом дерево. Подумав, на следующий день она предложила иной выход.

– Если ты сам должен уехать, тогда оставь здесь другого человека, который будет моим мужем и защитником, – сказала королева Айнедиль. – У тебя достаточно знатных вождей, чтобы среди них можно было выбрать достойного.

– А что, это мысль! – Торвард оживился. – Знатных вождей – да сколько угодно! Вон, Эйнар хотя бы! Эй, Эйнар! – Он поискал глазами наследника Асвальда Сутулого, который как раз доказывалТориру Прогалине, что с таким красным носом, как у него, никаких сторожевых костров не надо. Гуннар Волчья Лапа заинтересованно поднял голову, но его Торвард за «знатного вождя» не считал и не заметил. – Хочешь жениться на королеве?

Эйнар, ошарашенный этим предложением, будто внезапным ударом по голове, издал какой-то неопределенный звук и покраснел от напряжения.

– Э, да его переклинило! – озадаченно воскликнул Ормкель. – Конунг, может, похлопать его по спине?

Эйнара и в самом деле «переклинило». Уже год он мучительно завидовал Аринлейву, который, будучи всего лишь внуком кузнеца и сыном хирдмана, женился на девушке из рода священных правительниц острова Туаль – девушке, равной по происхождению той самой фрие Эрхине, которая с презрением отвергла сватовство самого Торварда конунга! Теперь же самому Эйнару предлагалась не просто королева в жены, но и возможность стать с ней королем целого острова! Расскажи ему кто дома о такой возможности – пешком бы по морю побежал! Но почему-то сейчас это счастье вовсе не казалось счастьем, наоборот, становилось тоскливо при мысли, что дружина уйдет в море, за подвигами и славой, а ему придется провести всю жизнь, обходя дозором побережья, гоняя «морских конунгов» и защищая пастухов, которые мало чем отличаются от своих овец и одеты в основном в те же шкуры. Он уже совсем настроился, как и вся дружина, что через несколько дней придет пора сталкивать корабли, и вот дружина уйдет без него, а он останется… как дурак, хоть и король.

– Я… – пробормотал он. – Я тоже хочу в поход… Я что, один здесь самый знатный?

– Кидайте жребий, – предложил Торвард. – Но один из вас останется здесь. Или ты, или Хедлейв. Халльмунд мне в походе нужен.

Уже было известно, что королева Айнедиль беременна, то есть женившийся на ней получит сразу и жену, и ребенка, которого придется считать своим. Острову это все равно. Но Эйнар вырос в другой стране и в других понятиях, тем более что…

– Мне нельзя! – завопил он, цепляясь за спасительную мысль. – Я же единственный сын! Я последний мужчина в своем роду, и если я не вернусь в Аскефьорд, то род Стражей Причала из Висячей Скалы прервется. Ты же не желаешь Аскефьорду такого несчастья, конунг! Пусть Хедлейв! У него еще два брата, и все равно все Флитиру достанется, ему и дома не на что надеяться, только и остается, что завоевать себе владения в чужой стране. Он еще и рад должен быть…

И он бросил испуганный взгляд на Хедлейва – а вдруг тот не ценит своего счастья?

– Я останусь, конунг, если ты хочешь. – Хедлейв кивнул, хотя вид у него был скорее задумчивый, чем радостный. – Я всю жизнь искал сказание, а тут вдруг оно меня нашло. Значит, судьба.

Вместе с Хедлейвом согласились остаться еще около сорока фьялленландцев, в основном из младших сыновей бондов, кто ходил в походы, надеясь разбогатеть и основать собственное хозяйство. Здесь у них появилась такая возможность, притом что новый правитель острова всегда мог собрать из них дружину, если у берегов появится враг.

И уже через несколько дней, простившись с королевой Айнедиль, Торвард вышел в море. Наступила весна, освобожденный от холодов и тьмы мир снова стал широким и просторным, а в Западных морях для достойного человека найдется немало возможностей для подвигов и славы.

Первым делом Торвард конунг оправился на Тюленьи острова – то самое место, куда стекались новости восточных и западных морей и где скорее всего можно было узнать, что происходит в мире. Там жил и правил отец королевы Айнедиль, Эйфинн ярл. Халльмунд и Сельви отговаривали его ехать туда, сомневаясь, не усмотрит ли островной ярл обиды в том, что конунг фьяллей покинул его дочь. Но Торвард не желал слушать, а вернее, как подозревал Халльмунд, нарочно искал опасности. Его душа жаждала хорошей драки, и ему было все равно, найдет он ее на Зеленых островах или на Тюленьих. Тюленьи были ближе.

Подойдя к Большому острову, где стоял Ярлсхоф – усадьба Эйфинна ярла, Торвард велел подтянуть одну из лодок и послал гонца на берег – предупредить, кто именно явился. А сам сел на одну из скамей под мачтой, вытянул ноги и стал ждать. Всем хирдманам «Ушастого» и «Единорога» было приказано надеть шлемы и кольчуги, а все оружие держать наготове, что и было исполнено охотно, с полным сознанием уместности такого распоряжения. Халльмунд, Сельви с сыном и некоторые наиболее благоразумные люди считали, что конунг нарывается совершенно не по делу, но большинство только ухмылялось.

– А будет выделываться, мы и Эйфинну ярлу по шее надаем! – говорил Эйнар, и ему отвечало одобрительное ворчание. – Тут добычи как в пещере Фафнира, не зря же Эйфинн ярл столько лет дань собирает со всех проплывающих, да на острова каждое лето ходит, да по морям лазает, да на вандров ходил прошлым летом. Пусть только попробует не оказать нашему конунгу почтения – мы с него голову снимем и к заду пришьем!

– Ага, и новым ярлом Тюленьих островов будешь ты! – издевательски отвечал Ормкель.

– Так не ты же, медведище! – оскорбленно заорал Эйнар. – Неуч, бродяга, разгильдяй!

– А ты разряженная ломака! – рявкнул в ответ Ормкель и привычно покраснел от злости. – Да на тебе всяких гребешков и ухоковырялок больше, чем оружия! Чем ты будешь воевать, зубочисткой?

– Да уж конечно, у меня меч покрасивее твоего! Ты-то схватишь первую попавшую железяку, лишь бы с виду прямая была, и давай бежать на приступ, рот раззявил, орешь, как великан, думаешь, все враги от страха попадают!

Два друга-соперника привычно ругались, хирдманы привычно посмеивались. А на берегу тем временем собиралась толпа: местные рыбаки, пастухи, приехавшие обменять сыр и молоко на рыбу, женщины с разделочными ножами, дети с собаками, торговые гости, оказавшиеся в этот день на Большом острове, – самый разный люд собирался посмотреть, кто такой прибыл и что из этого выйдет.

Прошло совсем немного времени, как на причале появился сам Эйфинн ярл с дружиной. Впрочем, он взял с собой не более двух десятков человек, а значит, настраивался не на битву. Такой чести от независимого ярла дожидались очень немногие, но Торвард и был из тех очень немногих, кто рангом превосходил его, а славой и доблестью не уступал. К тому же его дружина насчитывала больше двухсот хорошо вооруженных и умелых хирдманов, а большая драка на пороге собственного дома, как видно, была Эйфинну ярлу не нужна, поэтому он предпочел проявить учтивость. Он даже надел красный плащ и скрепил его золотой застежкой, показывая, как ценит знатного гостя. Один из его людей вернулся в лодке вместе с Регне и почтительно пригласил Торварда конунга сойти на берег и принять гостеприимство Эйфинна ярла. Торвард криво усмехнулся: именно потому, что ему хотелось как следует подраться, Эйфинн ярл был настроен исключительно миролюбиво. Ведь в его проклятие входило то, что его желания не будут исполняться.

Выяснилось, что ко дню их появления островной ярл уже сам снарядил корабли, собираясь проведать свою дочь.

– Я слышал, что в конце лета там пошарил Эдельгард ярл с Квартинга, – рассказывал он, когда Торвард уже сидел на почетном гостевом месте, а его хирдманы вовсю налегали на пиво, мясо, рыбу, хлеб и сыр.

– Так это был действительно Эдельгард сын Рамвальда? – оживленно переспросил Торвард. – Тролль его раздери – какая досада, что я его не застал!

– Даже я его не застал, а я ведь был ближе! – Эйфинн ярл ухмыльнулся. – Но он пробежался по Фидхенну, как заяц, и дунул назад через море на восток. Надо думать, вернулся домой.

– Нет. Я был на Середине Зимы в Винденэсе. Так он в это время был в походе. И по пути сюда я его не встречал. Может, он потом на Придайни завернул, иначе мы где-нибудь бы

встретились. Да и если он не вернулся домой до йоля, то какой смысл вообще возвращаться? Лучше перезимовать где-нибудь здесь, на островах, и весной начать все с начала. Я бы на его месте продал пленных у вандров, а весной пошел снова.

– Вот и я надеюсь, что он еще сюда вернется. И я смогу поквитаться с ним за моего зятя. Он был хороший человек, Геймар Точильный Камень. Ты не знал его? Его отец, Торфинн Рыба, тоже славился в наших морях. Плавал как рыба, прыгал в полном вооружении, как олень… Мы с ним когда-то вместе начинали, у нас тогда был один корабль на двоих. Без него я, пожалуй, и не был бы сейчас ярлом Тюленьих островов. А Геймар вырос у меня в дружине, у меня на глазах, он был мне как сын. Но, видно, кварги застали его врасплох.

– Когда-нибудь каждому придется умереть. – Торвард пожал плечами. – Должно быть, пришел его срок.

– Видно, что так. Но если его убийца вернется, я ему отомщу.

– Не будь на меня в обиде, Эйфинн ярл, если я перехвачу у тебя твою законную месть. – Торвард усмехнулся и полуприкрыл глаза. – Но что-то мне подсказывает, что если Эдельгард сын Рамвальда и вернется этим летом на западные острова, то искать он будет не тебя, а меня.

– Почему? А, ты что-то натворил там, на Квартинге? – Умный и опытный в таких делах Эйфинн ярл легко прочитал выражение лица своего молодого гостя и ухмыльнулся. – Да, я кое-что слышал! Кое-какие слухи о твоих зимних подвигах и сюда доходили. Ты, значит, бросил свою землю и заделался «морским конунгом»? Сильно пошалил?

– Самую малость! – небрежно ответил Торвард и опять усмехнулся, словно жалея, что не сумел как следует отличиться. – Я только убил там одного молодого героя, которому я чем-то не понравился – не возьму в толк чем. А Рамвальда и его семью почти не тронул.

– Так уж и не тронул?

– По крайней мере, все живы остались.

– Ты же такой у нас учтивый и благоразумный! – крикнул со своего места Эйнар, чуть не подавившись тем, что было во рту.

– Я же такой учтивый и благоразумный! – повторил Торвард. – Ну, подумаешь… что дело было во время зимних пиров. По-моему, как раз День Поминания был, да, Сельви, ты всегда все помнишь?

– Он самый, – сдержанно подтвердил Сельви. Он-то помнил, каким «учтивым и благоразумным» был их конунг в тот жуткий вечер – растрепанный, с диким блеском темных глаз, с окровавленным топором в руке, дышащий яростью, от которой, казалось, таяли снежинки, падающие с серого неба на его обнаженные плечи.

– Ну, вот. Они на меня набросились всей толпой, нам пришлось защищаться. И мне пришлось Рамвальда конунга… немного подержать за горло, пока его доблестные воины не остынут. Но я же его не убил! – убедительно добавил Торвард. – Хотя мог… Короче, если Эдельгард не сочтет, что я смертельно оскорбил его дом и его род, то он – трусливая крыса, рохля и баба в штанах.

Он выговорил это нарочито громко и четко – рассчитывая, что здесь найдутся уши и языки, которые донесут его слова до Эдельгарда ярла и тем заставят последнего настойчиво искать встречи.

– Все с тобой ясно, Торвард конунг? – Эйфинн ярл ухмыльнулся. – Потом заплатишь мне выкуп, что перехватил мою месть.

– Я уже дал тебе нового зятя взамен прежнего! Отличного, молодого, знатного ярла, и при нем дружины сорок человек. Он из Аскефьорда, из рода Бергелюнг, а это Стражи Причала, так что знатнее во Фьялленланде нет. Ну, разве что я сам.

– Я посмотрю, на что годен твой страж причала. А правду говорят, – Эйфинн ярл оперся о подлокотники своего кресла и наклонился к Торварду, – что ты успел мне и внука состряпать, пока зимовал с моей дочерью?

Торвард беглым взглядом окинул хирдманов за столами.

– Я-то думал, что у меня в дружине одни мужчины, – обронил он. – А оказывается, среди них прячется болтливая баба!

– И я знаю, кто это! – Ормкель прямо костью с недоглоданным мясом ткнул в сторону Эйнара.

– Наивный! – Эйфинн ярл расхохотался. – Мужики болтливее баб, и чего только не выложат ради пущей важности! Особенно как выпьют! Так это правда?

– Она говорила, что так. – Торвард пожал плечами. – Но, когда я уезжал, еще ничего заметно не было.

– Ну, посмотрим! Хорошо, что ты оставил с ней человека, но, если родится какой-нибудь растяпа, я буду знать, с кого спросить! Или девчонка! Говорят, у тебя девчонка родилась.

– Что? – Торвард не понял. – Какая девчонка? Нет у меня никаких девчонок. Я и дома-то тролль знает сколько не был…

– Не дома! На Туале!

– Тролль меня побери…

Торвард переменился в лице и дернул себя за косу. За всеми этими делами он упустил из виду, что девять месяцев с достопамятной Ночи Цветов миновали и что ребенок фрии Эрхины – его ребенок! – родился еще где-то около Дня Фрейи, того самого дня, когда он высадился на остров Фидхенн! Сейчас ему уже примерно три месяца.

– Де… девчонка? – повторил он.

– А ты не знал? – Эйфинн ярл поднял брови.

– Откуда, раздери их Фенрир! А вот ты откуда это можешь знать?

– Да приплывал ко мне тут один герой не так давно! – Эйфинн ярл ухмыльнулся. – С Туаля. Говорил, что фрия Эрхина послала его убить тебя, а за это обещала выйти за него замуж – но не раньше, потому что она, дескать, не может, пока жив ее предыдущий муж, вероломно покинувший ее…

– Вероломно! – Торвард чуть ли не зарычал. – Вероломно! – Он схватил нож, которым резал мясо, и со всей силы вогнал его в доску стола, так что кувшины и чаши закачались, а пара высоких кубков опрокинулась. Пиво потекло по столу. – А что она сделала со мной, она не говорила? Что я теперь на людей кидаюсь, как волк, потому что сам себе противен и люди мне противны! Что я кого угодно зубами могу загрызть! Что я спасибо скажу тому, кто меня убьет, только найти бы такого героя! Что я хоть в пасть Фенрира готов лезть, только бы меня отпустило *это*! Она прокляла меня и после этого еще называет меня своим мужем! Да видно, не очень-то она надеется на силу своего проклятья, если еще подсылает всяких хренов моржовых!

– Торвард конунг! – Халльмунд подскочил к нему, отнял нож и отважно обхватил своего конунга за плечи.

Торвард резко сбросил его руки, но положил сжатые кулаки на стол и опустил на них голову.

Стояла тишина. Домочадцы и гости Эйфинна ярла молча ждали, что будет, и у всех было чувство, будто на их глазах только что вспыхнуло и погасло жгуче-черное пламя. Пламя, способное вмиг спалить дом с людьми, если некому будет его укротить.

– Кстати, встречал я этого хрена, если мы про одного и того же говорим, – произнес Торвард, не поднимая головы, но уже почти спокойным, только утомленным голосом. – Он потом явился на Фидхенн, меня искал.

– И что?

– Ну, я его убил. Не отправлять же его обратно с таким позором.

– А чего ты не захотел с ней остаться? – с грубоватым любопытством спросил Эйфинн ярл, ничуть не напуганный. Он много чего повидал. – Ну, с Эрхиной. Она же красотка! Я сам

ее видел когда-то, она еще не была фрией, тогда еще была жива ее бабка. И тоже подумал: вот повезет тем, кого она будет посвящать…

– Я ее ненавижу, – глухо ответил Торвард в стол, но потом поднял голову и замер, опираясь лбом о сложенные кулаки. – Она обманула и опозорила меня, а я ее не смог ни простить, ни убить! И она прокляла меня, и что с этим делать, я не знаю!

– Ну, и сделай что-нибудь это, – посоветовал Эйфинн ярл.

– Что? – Торвард поднял на него глаза, как будто отважный и закаленный бурями, но отнюдь не обремененный божественной мудростью ярл и впрямь мог дать ему толковый совет.

– Или прости ее, или убей.

– Простить? Разорение Аскефьорда, мой позор? Это проклятье, из-за которого я по всем семи морям мечусь, как бешеный волк, уже такого наворотил и еще больше наворочу? Она хотела, чтобы я свернул себе шею на первом же камне. Она сделала меня таким, что я теперь сам кидаюсь на каждый встречный меч, а они все об меня ломаются! Но мне тоже больно! Я все еще жив, но только потому, что моя мать – ведьма из рода тех же жриц, но с Козьих островов. Чтобы выдержать ворожбу и той и другой, надо быть железным.

– Железным?

Эйфинн ярл поднялся с места, слегка покачиваясь от выпитого пива, пересек палату и пощупал плечо Торварда. Торвард с недоумением покосился на него, но привычно напряг мускулы.

– Годится! – объявил ярл и хлопнул его по плечу, словно принимал в дружину новичка. – Такие плечи можно использовать вместо наковальни. И если уж ты не железный, тогда я не знаю кто.

– А душа? – Торвард усмехнулся почти мечтательно, словно подумал о блаженстве, которого у него нет и быть не может.

– Много хочешь! – осадил его Эйфинн ярл и сел на скамью рядом: обратный путь через гридницу показался ему слишком утомительным. – Ты сам себе усложняешь жизнь. Если ты и правда стал волком, – где это ты, кстати, добыл шкуру белого волка Раммана? – то отправляйся на Туаль и загрызи эту стер… Нет! – Он быстро поднял обе ладони, будто извинялся перед кем-то наверху. – Эту прекрасную, мудрую, великолепную жрицу с острова Туаль, раз уж ты считаешь, что тебе с ней на одной земле нет места.

– Нет. – Торвард мотнул головой. – Я ей тоже достаточно крови попортил. Но я хотя бы не мешал ей жить дальше. А она мне…

– Так ведь говорят, ты забрал у нее какой-то камень…

– А она мне вбила его в глотку!

– Зато теперь тебе нечего бояться. Хуже, чем было, уже быть не может.

– Н-да! – Торвард криво ухмыльнулся, как Хердис, правой половиной рта. – Хоть что-то, да выиграл. Хуже быть уже не может.

Иные могли бы заметить, что не годится мужчине и конунгу так раскрывать свою душу и показывать свою боль перед чужими людьми и возможными противниками. Ведь Эйфинн ярл был ему не родичем и даже не другом. Но Торварду это было совершенно все равно. В чьем угодно доме и перед кем угодно он оставался наедине со своим проклятьем и разговаривал, по большому счету, только с ним одним.

Эйфинн ярл сам понимал, что при всей его силе, власти и влиянии в Западных морях он не смог бы превратить фьялленландского конунга в пожизненного охранника одного из небольших островов, пусть там и правит его дочь. Да и не очень-то он хотел крепко связываться с человеком, которого прокляла фрия Эрхина, – в этой части света ее уважали даже больше, чем в Морском Пути, потому что здесь она была ближе, а ее влияние заметнее. А если он одолеет проклятье, то зачем самому Эйфинну прямо под боком настолько сильный молодой соперник? Поэтому он отнюдь не возражал, чтобы Торвард отправился дальше, куда ему будет

угодно. Торвард собирался к уладам, и Эйфинн ярл даже мог помочь ему новостями и людьми. В его доме всегда собирались желающие сходить на Эриу или Зеленые острова, и несколько дней спустя Торвард снова вышел в море, но уже во главе не трех, а шести кораблей.

В придачу к Гуннару Волчьей Лапе к дружине фьялленландского конунга пожелали присоединиться еще три вождя. Одним из них был такой же, как Гуннар, «морской конунг» по имени Хедин Удалой, квитт по происхождению. Гуннар его знал – они два раза встречались в море и сражались с переменным успехом. Это был довольно рослый и сильный мужчина лет сорока или около того, угрюмый, но настырный. Всю жизнь проводя в морских походах, он забирался в такие земли, в само существование которых мало кто верил. Когда-то давно удар чьей-то секиры перебил ему ногу, и хотя кости срослись, легкая хромота осталась – что, впрочем, не мешало ему довольно крепко стоять на земле и даже на качающемся днище корабля. Грубое лицо с рыжей, как у многих квиттов, бородой и маленькими узкими глазками пересекал кривой шрам, шедший со лба на скулу. Ни красивым, ни приятным человеком его нельзя было назвать, но у него имелся дреки на двадцать четыре скамьи и шестьдесят человек дружины. Когда-то войска Торбранда конунга разорили Квиттинг, сделав многих мирных хозяев морскими разбойниками. Хедин, выросший на корабле своего отца, иной жизни не знал и сейчас не питал к сыну Торбранда ничего, кроме почтения и зависти. Торвард был сильным и удачливым вождем, а ничего больше Хедину не требовалось.

Двое других были знатные хевдинги из разных мест, которые зимой смирно сидели в своих усадьбах, присматривали за хозяйством и справляли праздники, а летом отправлялись в походы за славой и добычей – чтобы запастись средствами и рассказами для тех же зимних пиров. Звали их Стейнгрим Копыто и Фродир Пастух. Последний приехал в Западные моря торговать – закупить соль, которую отсюда развозили не только по Морскому Пути, но и далеко на юг и на запад. Однако, заслышав о походе конунга фьяллей, Фродир хевдинг предпочел присоединиться к нему и попытать счастья в походе военном – гораздо выгоднее же взять нужные товары, не платя за них, а в придачу и пленных. Кроме соли, создавшей уладским и эриннским островам их легендарные богатства, там можно было найти особо тонкие и мягкие льняные и шерстяные ткани, искусные изделия из серебра, бронзы и золота, изготовлением которых улады славились уже не первый век. Молодые пленницы-уладки, стройные, румяные и рыжеволосые, на всех торгах также ценились дороже прочих.

Когда эти три вождя по очереди пришли к нему и предложили свои услуги, Торвард удивился: он никак не ждал, что после всех разговоров о его проклятье и ссоре с фрией Эрхиной найдутся желающие связаться с ним и разделить его судьбу. Однако оказалось, что именно эти события создали ему славу почти непобедимого: ведь спустя более чем полгода после проклятья он был еще жив и вполне благополучен! Торварда мало занимало, что о нем думают, но все его новые спутники имели хорошие корабли и неплохо снаряженные дружины, и теперь у него набралось больше пятисот человек. С таким войском можно твердо рассчитывать на успех похода, и через несколько дней все шесть кораблей с попутным ветром тронулись дальше на запад, к уладским островам.

Глава 2

Первым на их пути оказался остров Банба. Подойдя к нему под вечер, корабли пристали в удобном для ночлега месте, и Торвард послал своего остроглазого оруженосца Регне на ближайшую горушку посмотреть, нет ли какой опасности.

Как рассказал Хедин Удалой, на острове Банба правил король по имени Минид и в прошлом году вполне успешно отбил набег.

– Но тогда я был один, – рассказывал «морской конунг», почесывая бороду. – И людей у меня было всего ничего, и трех десятков не осталось, потому что перед этим я встретил в море эту сволочь, Хрута, которого еще зовут Полосатый Плащ.

– Это после той встречи у тебя из трех кораблей остался один? – поддразнил его Гуннар Волчья Лапа. – Говорят, тебе тогда здорово досталось!

– А будешь распускать свой язык, тебе достанется еще лучше! – рявкнул Хедин. – Я не посмотрю, что ты такой гордый в своем новом шлеме, так врежу, что у тебя шлем в живот провалится!

– Врежешь Миниду, когда его встретим! – осадил его Торвард. – А слишком горячих и пылких в ссоре между собой я обычно окунаю за борт. Даже если они и зовутся конунгами на своем корабле.

– Ты распоряжайся своими фьяллями! – запальчиво крикнул Хедин. – А я сам себе конунг и никаких конунгов надо мной нет и не будет!

Торвард ничего не ответил, но мгновенно схватил чересчур гордого собеседника одной рукой за шиворот, а другой за ногу и перебросил через борт. Хедин от неожиданности не успел не только защититься, но даже закричать. Раздался гулкий всплеск, общий вскрик пролетел над бортами.

Корабль стоял у берега, поэтому даже в тяжелом защитном снаряжении квитт не мог утонуть.

– Советую запомнить: там, где я, нет и не будет других конунгов, хоть морских, хоть сухопутных! – со сдержанным бешенством сказал Торвард, пока дружины глядели, как мокрый Хедин, отплевываясь и бранясь, выбирается на сушу. – Пока я с вами, ваш конунг я и только я. Кому не нравится – пусть проваливает к морским великаншам. Только в следующий раз выкину в открытом море.

Бросая на фьяллей злобные взгляды, Хедин убрался к себе на корабль. Он не привык смирять перед кем-то свой нрав, но у Торварда было намного больше людей. И если уж они пошли в поход вместе, ссориться ему было невыгодно.

– Ты понимаешь, что он на тебя обиду затаит? – негромко осведомился Сельви.

– Это *я* на него, дурака, обиду затаил! – резко ответил Торвард. Видно было, что этой мелкой расправы со смутьяном ему было мало, чтобы выплеснуть накопившееся раздражение. – Еще кто вякнет – шею сверну. Связались со всякой сволочью – а ведь ты все гудел: «Возьмем их, конунг, чем больше людей, тем надежнее!» Он уже сейчас чуть носом небо не проткнул. А что будет, когда будем делить добычу?

– Да, конунг, это я во всем виноват! – с неподражаемой серьезностью ответил Сельви.

Удивленный Торвард поднял брови, потом вдруг усмехнулся.

– Да я никак перепутал вас и взял с собой Слагви? – Он внимательно оглядел своего хирдмана сверху донизу. – Нет, ноги вроде обе целые. Или ты научился шутить на старости лет?

Он усмехнулся и хлопнул Сельви по плечу. Фьялли вокруг расслабились: обошлось. Все они трепетали в душе, видя злобный блеск темных глаз своего вождя: все знали, что это говорит в нем проклятье Эрхины, но ни один не мог быть уверен, что сегодня или завтра не настанет его очередь прогуляться за борт.

– Здесь селение! – С пригорка бежал Регне, размахивая руками. – Селение совсем рядом!

– Большое? – Торвард тут же ступил на борт, готовясь спрыгнуть, хирдманы вокруг схватились за оружие и щиты.

– Не очень, домов двадцать. Нас еще не видели, все тихо.

– А оно живое? – Торвард вспомнил первые встречи с островом Фидхенн, где их ждали только обгорелые развалины.

– Живое! Скотина, люди ходят, дым над крышами!

– А ну давай! – Торвард взмахнул рукой, а Сельви подал ему щит. – Гуннар, Фродир! Вы со мной, а Хедин и Стейнгрим идут в обход и ждут вон у того мыса, если они побегут! Скотину к берегу, людей пока не брать, я еще не собираюсь возвращаться. Дома не поджигать, ночевать будем под крышей. Всем все ясно?

Корабли Стейнгрима Копыто и Хедина Удалого отошли и быстро двинулись на веслах вдоль берега к мыску, чтобы высадиться там и взять жителей селения в клещи. И те оказались захвачены врасплох. Внезапно завидев возле своих домов бесчисленное множество вооруженных людей в знакомых лохланнских шлемах, даже мужчины не пытались хвататься за оружие, а сразу пускались бежать. Тишина над селением разорвалась боевыми кличами, именами кровожадных богов Морского Пути, звоном оружия, испуганными криками и визгами. Здесь было не то, что у сэвейгов, где живут усадьбами, а в каждой усадьбе есть хозяин с дружиной. Улады жили деревнями, население которых составляли простые земледельцы и скотоводы. В селении не было знатных людей, и сэвейги почти не встретили сопротивления. Тех, кто успевал убежать к лесу, не преследовали, захваченных запирали в дома и в хозяйственные постройки. Все закончилось очень быстро, дружины Хедина и Стейнгрима даже не успели высадиться, как селение уже полностью оказалось в руках Торварда.

Коров и овец сгоняли к берегу, часть уже закололи и раскладывали костры, чтобы жарить мясо. Обыскивали дома, забирая все ценное – серебряные украшения, кое-какие вещи из резной кости. Но действительно стоящей добычи обнаружили мало, золотое кольцо нашлось на все селение только одно. Если бы сэвейги собирались обратно, то они могли бы забрать людей и продать на рабском рынке, но поход предстоял еще долгий, и Торвард не велел брать пленных. Тот, кто в этом нуждался, разжился кое-какой одеждой, но и из съестного, кроме мяса, в голодное время поздней весны взять было почти нечего.

На следующее утро шесть кораблей двинулись дальше. Из допроса местных жителей стало известно, что в половине дня пешего пути располагается довольно большое селение, в котором живет много знатных и богатых людей, а еще чуть дальше стоит усадьба самого рига Минида, по прозвищу Звон Меча, правителя острова Банба. Поэтому Торвард приказал отплывать еще до рассвета: приходилось торопиться, пока вести о набеге не слишком широко распространились. Понятно было, что беглецы отсюда за ночь добрались до большого селения, а может, и до короля, но тому ведь тоже нужно время, чтобы собрать войско.

Беглецы не успели увидеть корабли Хедина и Стейнгрима, поэтому в своих рассказах преуменьшили численность нападавших. Они видели три-четыре корабля, но и этого оказалось достаточно: улады знали, что свирепые лохланнские вожди нападают на целые острова силами всего одного-двух кораблей, а недостаток войска им возмещает бесстрашие и нерушимая вера в собственную мощь. В отношении Торварда это была чистая правда.

По пути сэвейги не раз замечали на берегу людей; завидев корабли, пешие и конные улады тут же пускались прочь или подавали знаки кому-то в стороне. Арнор Меткий ухитрился подстрелить двоих, но ясно было, что об их приближении известно и их ждут. Несколько раз с вершин холмов поднимались дымовые столбы, тоже служившие знаками опасности.

Обещанного большого селения с моря не было видно, но найти его оказалось нетрудно. На берегу удобной бухты, где на песке виднелось с десяток рыбачьих лодочек, выстроилось пестрое воинство. Те из сэвейгов, кто впервые попал в уладские земли, не сдержали изумлен-

ных возгласов, более опытные только усмехнулись. Это были местные фении, спешно собранные с ближайших лесов, где они промышляли охотой.

– Э, да у них тут воюют бабы! – кричали сэвейги, издеваясь над длинными рубашками своих противников. – Нечесаные бабы с длинными подолами!

Фении в ответ тоже что-то кричали, потрясая оружием. Перед боем они подобрали подолы длинных рубах и спустили вороты с плеч, чтобы на их полуобнаженных телах были видны устрашающие татуировки. Вооружились защитники берега секирами, мечами и держали большие продолговатые щиты. Числом они многократно уступали нападавшим, но это для них ничего не значило – долг фениев состоял в том, чтобы биться с врагами до последнего вздоха, и это они собирались делать.

– К берегу! – велел Торвард, принимая от Регне свой щит. – Десяток Сельви остается на «Ушастом». Отгоним их от берега, потом вытащим корабль, потом пойдем дальше.

«Ушастый» первым подошел к берегу. Фении побежали ему навстречу прямо по воде, сэвейги стали спрыгивать с бортов почти им на головы. Прямо в волнах завязались первые схватки. Долг требовал от фениев не допустить врага к родной земле, и они исполняли это требование буквально, встречая сэвейгов еще в волнах. Но эти же волны мешали им проявить свою легендарную ловкость и использовать боевые приемы, к тому же на каждого фения приходилось по несколько противников, притом значительно лучше вооруженных. Убитые падали прямо в воду, раненые захлебывались, живые спотыкались под водой о тела мертвых. Кровь лилась прямо в морскую воду и быстро исчезала, растворяясь. Фениев было всего четыре или пять десятков, а сэвейгов только на «Ушастом» – впятеро больше, поэтому довольно быстро фьялли вышли на берег, на ходу обтирая оружие, намоченное в крови и в морской воде.

– Их вождь просто дурак! – восклицал Аринлейв сын Сельви, мокрым рукавом вытирая рассеченную бровь. – Ну куда они полезли, ясно же, что таким отрядом нас не остановить!

– У них так положено, чтобы первыми врага встречали фении! – просвещал его Асгейр Умный, который на самом деле был не столько умен, сколько сведущ в самых разных делах. – И если их всего сорок человек, а нас двести, все равно они должны быть первыми!

– Но это глупо!

– У них так положено, чего ты привязался? Недоволен?

Все шесть кораблей тем временем пристали и были вытащены на берег. Возле каждого осталось по два десятка человек, а дружины без задержки двинулись к селению по широкой утоптанной тропе. Несколько человек Торвард выслал вперед, и вскоре они принесли весть, что на поле за рощей их ждет местное войско.

– Большое?

– Нет, человек триста. – Гисли Сорока мотнул головой. – Там уже не фении, не такие все лохматые, но вооружены не так чтобы лучше. Шлемов нет почти ни у кого, кольчуг тоже не видно, у всех в основном секиры.

– Их король там?

– Болтаются какие-то стяги, но никого похожего на короля не видно. Тролль их разберет, где там кто!

Сэвейги вышли из-за рощи и увидели войско уладов прямо перед собой. Тех и правда было вполовину меньше, и Торвард бросился в бой, не останавливаясь. Некоторые более знатные улады, над которыми развевались разноцветные стяги, пытались что-то кричать нападавшим, но Торвард не слушал. Многочисленное, гораздо лучше вооруженное и более опытное войско сэвейгов смяло противника, как железный топор – трухлявое дерево. Уладское войско почти мгновенно было расколото на несколько частей, каждая часть окружена, каждое кольцо сжато, так что битва больше напоминала избиение. Кое-кому удалось спастись бегством, и фьялли не преследовали бежавших; половина оставшихся была убита, половина обезоружена и пленена.

Все кончилось так быстро, что сам Торвард не успел выплеснуть все накопившееся в нем напряжение. При виде него улады невольно кричали от ужаса: им казалось, что это черный дракон, принявший человеческий облик. Высокий даже в толпе рослых сэвейгов, мощный, черноволосый, с искаженным яростью смуглым лицом, с дико блестящими темными глазами, он рубил секирой на длинной рукояти, закинув щит за спину, и телохранители едва успевали за ним, чтобы прикрыть от возможного нападения. Но сама секира летала, описывая сплошной круг и не позволяя никому приблизиться. Из груди его рвался хриплый яростный крик, как будто каждый нанесенный удар причиняет боль ему самому, но в этом крике было и какое-то упоение, словно каждое движение битвы облегчает тяжесть, лежащую на нем. Как нож сквозь хлеб, он прошел через все уладские ряды и вдруг обнаружил, что все осталось позади, а перед ним – пустое поле и чуть дальше – селение.

Торвард оглянулся. Позади него еще кое-где работали мечами сэвейги, добивая окруженных, но большинство его войска уже покончило с врагом. Многие вязали пленных, другие уже переворачивали тела убитых, расстегивая дорогие пояса и снимая украшения.

– Пленных к берегу! – хрипло крикнул Торвард. – Аринлейв, Хьерт, Кальв – вы охраняете. Остальные – за мной!

Три десятка фьяллей, чьи старшие были названы, остались с пленными, а остальные, еще не остыв, бегом бросились вслед за Торвардом к селению – большому, почти на сотню дворов, которые располагались вдоль нескольких улиц, впрочем весьма беспорядочно застроенных. Здесь они уже почти не встречали сопротивления, поскольку все мужчины, способные носить оружие, остались на поле битвы. При виде сэвейгов население разбегалось. Нашлось несколько богатых домов, состоящих из множества покоев, и вот тут еще кое-кто встретил пришельцев с оружием, но и с ними было быстро покончено.

Еще до наступления темноты все селение оказалось в руках сэвейгов. Пленных согнали и заперли в сараи, предварительно убедившись, что там нет ничего ценного. Здесь уже нашлась добыча получше. Захвачено было много скота, зерна, прочих съестных припасов. До самого вечера и даже ночью при свете факелов сэвейги обшаривали жилища, перетряхивали все пожитки, выискивая что-нибудь ценное. Украшения, более дорогая посуда, оружие и хорошая одежда – все годилось. В больших домах разместились дружины кораблей со своими вождями, кому не хватило места, те заняли дома попроще. Во дворах горели костры, жарились свиные, бараньи, бычьи туши, разрубленные на несколько частей, в погребах нашлось пиво. Сэвейги ели мясо, пили пиво, хохотали, хвастались друг перед другом добычей, пели песни. Вожди клялись Торварду в вечной преданности и предвкушали новые блестящие победы, которые одержат вместе с ним.

– У нас более двух сотен пленных! А то и трех! – говорил ему Фродир Пастух. – Там есть и мужчины, и женщины, много молодых – отличный товар! Я там, на Большом острове, в Ярлсхофе, говорил с одним человеком – он обещал, что возьмет у нас пленных по хорошей цене, по три серебряных эйрира за мужчину и четыре за женщину. Тут такое состояние, конунг!

– Наш поход только начался, нам некогда возиться с пленными! – отвечал Торвард. Он был утомлен и лихорадочно весел, много пил, и ему было так жарко в палате с горящими очагами, что он все время дергал распахнутый ворот рубахи, точно хотел разорвать. – У нас будет еще десять раз по столько!

– Если ты не хочешь брать пленных, тогда давай я их возьму! – просил Фродир, хевдинг родом из Хэдмарланда. У себя на родине он был знаменит благодаря своим многочисленным стадам, за что и получил прозвище Пастух, но летом всегда ходил в походы, неплохо наживаясь на добыче. – Конунг, глупо терять столько денег! Ведь их даже не надо далеко везти! Если бы приходилось ехать с ними в Винденэс, тогда я понимаю, но тот человек обещал ждать в Ярлсхофе до середины лета! Можно за несколько дней доехать, продать ему пленных, получить свои деньги и вернуться! Мы ничего не потеряем!

– Я не торгаш, чтобы откусить первый кусок и тут же бежать менять его на деньги! – в досаде крикнул Торвард. – Зачем возиться с людьми, когда тут рядом лежит живое золото и серебро, и за ним не надо никуда ехать, ни к каким-таким троллям в Ярлсхоф! Я только начал поход, а ты уже хочешь, чтобы я вернулся!

– Да нет же, конунг, я говорю только, что…

– Заткнись! – рявкнул Торвард и грохнул кулаком по столу. – Мне надоели эти торгашеские разговоры! Я пришел сюда за славой, и мне нужна слава не среди купцов Винденэса!

– Тогда отдай мне пленных, и я… – Фродир не отступал, хотя покраснел от досады, что с ним обращаются так грубо.

– Мы пошли в поход вместе! И мы будем вместе до конца, вместе прославимся или вместе погибнем! Ты знал, кто я такой, когда просился идти со мной! Я никогда еще не отступал и не довольствовался добычей из первой же жалкой деревни! Если уж я пришел сюда, я не уйду, пока вся эта земля не покорится мне, вся, ты понял! Мне мало добычи, которую можно взять один раз! Я собираюсь завоевать эту землю, чтобы она целиком и полностью признала меня своим господином и платила мне дань! Ты понял?

– Я понял, конунг! – Фродир сжимал кулаки, чтобы не сорваться и не ответить криком на крик, поскольку был не так безрассуден, чтобы спорить с Торвардом.

Конунг фьяллей не просто был сильнее – от него исходило ощущение такой могучей, темной, недоброй мощи, что даже находиться рядом с ним было тяжело. В душе его горел черный злой огонь, и даже его собственная дружина задыхалась в дыму этого огня.

– Ну, зачем ты так горячишься, конунг! – Сельви не мог не вмешаться, хотя понимал, что едва ли будет толк. – Этот бережливый человек просто не хочет, чтобы наша доблесть пропала зря. Какой смысл брать пленных, чтобы потом их просто отпускать? Пусть он выберет самых лучших, самых молодых и приятных на вид, потому что все три сотни он на своем «Вепре» не увезет, пусть продаст их на Большом острове, а деньги поделим, поскольку добыча общая. Правда, Фродир, ты можешь еще догнать нас и привезти нам нашу долю, а можешь оставить ее у Эйфинна ярла, и мы заберем ее, когда будем возвращаться.

– Нет, – отрубил Торвард. – Никто никуда не поедет. Я привел сюда шесть кораблей и пять сотен дружины, и моя дружина не станет меньше, пока люди живы. Я не позволю войску расползаться, как мелким шавкам, с клочками мяса в зубах. Я не собираюсь дробить свои силы. Мы останемся вместе, и тогда мы захватим столько, что твой корабль будет нагружен не пленными, а чистым золотом и серебром!

– Сколько ты там выручишь за этих пленных? – утешал Фродира Халльмунд. – Да твой «Вепрь» больше восьми десятков не поднимет, сорок у тебя своих, а значит, больше сорока человек ты не возьмешь. Стоит ли возиться с такой мелочью?

Фродир только поджал губы и не ответил. Он хорошо умел считать и уже успел умножить сорок человек на четыре эйрира и пересчитать в стоимость коров – его знаменитые стада возросли бы весьма значительно, а уж каких тканей для женщин, посуды для стола и вина для пиров можно было бы накупить в Винденэсе! Даже если бы ему отдали сорок лучших пленников, он уже считал бы, что сходил в этот поход не напрасно. Фродир Пастух был больше хозяином, чем воином, и не понимал стремления Торварда к новым битвам, когда можно получить прибыль звонким серебром, не проливая больше своей крови!

Но дальше спорить у него не хватило смелости, а может, хватило благоразумия не злить вождя.

За полночь Торвард разогнал своих людей спать, оставив только дозорных, поскольку уже завтра собирался двинуться дальше. Некоторые уговаривали его задержаться здесь хотя бы на один день, потому что понимали, что завтра многие головы будут болеть, но Торвард не хотел ждать. Раненых в его войске было мало, и он не желал задерживаться.

– Не понимаете вы, дубовые головы, что, пока вы тут будете мучиться похмельем, вся наша добыча разбежится! Да оторвите Анлейва от бочки, тролли б его драли, он же завтра точно не встанет! А бочку лучше с собой возьмем, пиво и завтра пригодится! Тут где-то за лесом усадьба их короля. Вы только подумайте, какая добыча ждет нас там, если в простой деревне нашлось целых восемнадцать золотых браслетов! Если никто ничего не припрятал, но я ему не завидую.

Сам Торвард поспал всего пару часов и уже до рассвета снова был на ногах, обошел всех дозорных и некоторых уснувших разбудил хорошим ударом в ухо. Утром он собирался вести войско на поиски королевской усадьбы, но выступить удалось только в полдень. Особенно долго будили дружину Хедина Удалого, который в доставшемся ему доме пировал почти всю ночь и очень не хотел снова куда-то идти уже наутро. Торвард сначала послал своих людей, потом пошел сам, но, убедившись, что ни вождь, ни дружина не желают вставать и только пьяно бранятся, приказал поджечь дом.

Это возымело действие: полураздетые, изумленные, напуганные квитты вылетали из задымленного двора, одной рукой поддерживая незавязанные штаны, а в другой сжимая оружие. Они были уверены, что напали улады. И то, что пожар оказался всего лишь средством Торварда конунга их разбудить, их скорее разъярило, чем успокоило. Хедин Удалой, сам выбежавший из-под горящей крыши с секирой, но без башмаков, долго ругался, призывая на голову Торварда все известные ему проклятья, и даже припомнил его роду разорение Квиттинга. Торвард слушал все это вполне невозмутимо, а потом сказал:

– Ну, дерьмо иссякло? Иди ищи себе обувь, не босиком же ты пойдешь воевать с королем! Тебя засмеют.

– Я никуда с тобой не пойду, чтоб тебя Волк сожрал!

– А не пойдешь – я прикажу поджечь еще и твой корабль! И уйду, а ты оставайся и делай что хочешь! Если я сказал, что мое войско выходит утром, значит, оно выходит утром, а если кто глухой, то я тебе не лекарь! Знаешь, что улады делают с такими, как мы, если поймают на своей земле отбившихся от стаи? Сдирают кожу живьем и вешают на дубы в своих священных рощах. Все, я тебя предупредил.

Ругаясь и злобно косясь на фьяллей, квитты кое-как оделись и снарядились, выбрав из награбленного себе одежду и обувь взамен сгоревшей. Фьялли посмеивались и перемигивались, вспоминая, как прошедшей зимой и сами остались такими же погорельцами, выбежавшими из огня с оружием, но босиком. Хедину и его людям было особенно досадно, что в доме сгорела и вся добыча их дружины, которую они не успели даже поделить. Но никто уже не сомневался, что и новую свою угрозу Торвард выполнит, а остаться в чужой, враждебной земле без корабля и без поддержки квиттам не хотелось. Поневоле им пришлось смириться, и войско выступило в полном составе.

Но идти далеко не пришлось. Едва обогнув ближайшую гору, сэвейги увидели впереди небольшой отряд. Тот направлялся явно им навстречу, и Торвард приказал своим людям остановиться. Вскоре стало видно, что в отряде человек десять, что все они ярко и богато одеты, а над головами вьется желтый стяг с золотой каймой и фигурой непонятного зверя. Торвард оглянулся и велел подозвать Хавгана, который на этой земле служил ему переводчиком.

– Вижу, это Морской Вепрь! – сказал Торварду бард, кивая на стяг. – Это люди короля Минида.

– А сам он где?

– Его самого не видно. Он, похоже, прислал к тебе своих людей вести переговоры.

– Ну, если он положит голову мне на колени и поклянется платить дань, то я соглашусь оставить его в живых, – неохотно, с некоторым разочарованием ответил Торвард. Он не хотел так быстро переходить от войны к переговорам. – Но не иначе.

Отряд приблизился. Возглавлял его еще довольно молодой человек, чуть моложе Торварда, невысокий и не слишком крепкий, с круглой головой и выпуклым лбом упрямца, с длинными, как у всех знатных уладов, волосами, светлыми и немного рыжеватыми. Одет он был в три рубахи из разноцветного шелка и узкие штаны, что служило знаком принадлежности к королевскому роду.

– Кто это? – спросил Торвард, разглядывая приближающегося вождя.

– Я его не видел, но похоже, что это сын Минида, Даохан, – ответил Хавган.

– Приветствую тебя, вождь Лохланна! – сказал тем временем улад, приблизившись шагов на пять и остановившись. – Я – Даохан Риабарх Ферен мак Минид, сын короля и правителя этой земли. Кто ты?

– Я – Торвард сын Торбранда, конунг Фьялленланда. Чего тебе надо?

– Это мы должны спросить у тебя, чего тебе здесь надо! – надменно ответил Даохан. – Мы – на своей земле, а вот ты зачем явился к нам, как кровожадный дракон из моря, чтобы жечь селения, убивать и грабить людей?

– Ты уже сам ответил! – Торвард усмехнулся. – Я пришел сюда убивать и грабить, то есть за славой и добычей, как это обычно называется. И раз уж ты меня встретил, то не будешь ли так любезен показать мне дорогу к жилищу твоего отца – надеюсь, там меня ждет и первое, и второе!

– Там тебя ждет твоя смерть!

– Тоже неплохо. – Торвард ничуть не смутился. – Так где именно она меня ждет? Надеюсь, мы успеем туда дойти и покончить со всеми делами до темноты?

Даохан ответил не сразу, видимо стараясь справиться с возмущением и найти подходящие слова.

– Мой отец, риг Минид по прозвищу Звон Оружия, сын Эйхайда Ястреба-на-Скалах, поручил мне передать, что вызывает тебя на бой. Он предлагает назначить вашу встречу на завтра, здесь, в этой долине. Пусть судьба рассудит, кому владеть этой прекрасной землей, омываемой морем.

– Не соглашайся, конунг! – выкрикнул Хедин Удалой, едва Хавган перевел эту речь. – Король не успел собрать войска, ему не с кем воевать! Идем сейчас, раздавим их и захватим все сокровища!

– Правильно, зачем давать им время на сборы! – поддержал его Фродир Пастух. – Мы-то уже готовы!

– Я согласен. – Торвард кивнул Даохану. – Завтра так завтра.

Настроение его опять переменилось: ему надоело гонять беспомощных пастухов, и теперь он предпочитал сразиться с местным королем и его войском.

Под недовольное ворчание дружины Торвард велел поворачивать и возвращаться в селение. Большинство приняло это спокойно, но квитты опять принялись возмущаться: вовсе не обязательно было поджигать крышу у них над головой и лишать всей добычи, чтобы прогуляться до первого луга и повернуть назад!

– Ну, кто же знал? – отвечал им Халльмунд, поскольку сам Торвард не слушал их жалоб. – А если бы тут было войско в тыщу копий? Тогда крышу у вас над головой подожгли бы улады, вам бы это больше понравилось?

Остаток дня сэвейги отдыхали, приводя себя в порядок после вчерашней битвы и пира, а на рассвете следующего уже были готовы и ждали противника. Впереди всех расположился Торвард со своей ближней дружиной, перед строем знаменосец Бьерн Маленький держал стяг, где был вышит золотой дракон, свернувшийся кольцом на черном поле, рядом с ним стоял Бьерн Большой, в должности охраняющего знамя. Позади них – сам Торвард, с оруженосцем Регне по левую руку и Хавганом Бардом по правую. Уладский певец вместо меча или копья держал свою знаменитую арфу и был равно готов как до битвы исполнить несколько песен о

прежних подвигах своего вождя, так и немедленно после битвы сложить новую песнь о его доблестной победе или славной гибели – как получится. Также по бокам Торварда разместились четверо телохранителей, по двое с каждой стороны. А сзади них выстроились сорок человек хирдманов.

Все, кроме Хавгана, который в битве участвовать не собирался, надели кольчуги и шлемы. Сам Торвард тоже был в кольчуге, самой дорогой и надежной, сплетенной из клепаных железных колец наилучшей очистки. Железная полумаска его шлема, прикрывавшая лоб, глаза и нос, отделанная позолоченным серебром, сияла так, что под солнечным лучом могла ослепить противника. На его запястьях блестели широкие золотые браслеты с любимым сэвейгами узором из ломаных линий сложного плетения, позолоченные серебряные накладки украшали ножны и рукоять его меча, а на лезвии секиры, которую держал наготове Регне, золотой проволокой был выложен тот же свернувшийся в кольцо дракон. Рослая, мощная фигура Торварда в блеске дорогого убранства казалась воплощением воинской силы и истинно королевского величия – и тем больше славы обещала тому, кто сможет повергнуть этого железного великана.

Появившаяся на лугу почти одновременно с ними дружина короля Минида, разодетая в разноцветные шелка, выглядела гораздо ярче и красочнее облаченных в кожу и железо фьяллей. Поединок вождей улады рассматривали как священнодействие, и ради такого случая сам король и его люди надели бронзовые шлемы старинного вида, украшенные фигурками зверей. У рига Минида шлем венчала довольно крупная литая фигура гуся с воинственно поднятыми крыльями. Фьялли, никогда такого не видевшие, принялись потешаться.

– Ой, что это за курица сидит у него на голове! – покатывался Эйнар, невежливо показывая в сторону королевской особы копьем. – Того гляди снесет яйцо!

– Скажи спасибо, что они хоть свои юбки подобрали! – отвечал ему Коль Красный. – А то прошел бы слух, что мы тут воюем с бабами, потом стыдно было бы во Фьялленланде показаться!

Торвард усмехался из-под своей позолоченной маски, слушая хохот дружины. Шлем рига Минида замечательно украсил бы торжественное жертвоприношение, но в бою, тяжелый и неудобный, он скорее помешает, чем поможет.

– У него в этом шлеме голова тяжелее задницы! – Халльмунд тоже это оценил. – Того гляди, перекувырнется.

Войско, стоявшее позади королевской дружины, особо грозно не выглядело. Это были местные крестьяне, пастухи, охотники, численностью не более трех сотен и вооруженные кто чем. Мечей было мало, в основном копья и секиры, щиты имелись не более чем у половины, а шлемов в толпе позади королевских воинов не виднелось вовсе. Многие воинственно держали перед собой какие-то железные острия с кольцом, в которых фьялли опознали уладские нагрудные застежки. В ссоре между пастухами те действительно могли послужить оружием, но против настоящих мечей выглядели смехотворно. Зато в первых рядах уладского воинства мелькало с полсотни длиннющих грив, заплетенных в затейливые косички – за прошедшие дни подтянулись фении из отдаленных областей.

– Главное, не давать им простора, – бросил Торвард, оглянувшись к своим людям. – Один на один и эти лохматые кое-что могут, тем более что они почти голые и им легче двигаться. Но против строя они ничего не смогут сделать, к тому же нас больше. Зажать их и не давать махать копьями. Сперва разделаться с фениями, остальные сами разбегутся.

– Сдается мне, эти ребята пришли нарочно для того, чтобы мы их убили! – заметил Кетиль Лохматый.

– Уж мы себя просить не заставим! – отозвался Ормкель.

– И мне это не нравится! – озабоченно вставил Сельви, исполнявший в походах должность не только кузнеца, но заодно и чародея – эти два ремесла издревле близки одно другому. – Конунг, они и правда пришли для того, чтобы мы их убили. С самого короля начиная.

Он не успел собрать и вооружить войско поприличнее и теперь рассчитывает на что-то другое. Не зря он такой шлем напялил – по-моему, это не боевой убор, а жреческий. Похоже, он знает, как превратить свою смерть в жертвоприношение. И когда он умрет и его кровь прольется на землю, можно будет ждать…

– Чего? – Торвард покосился на него из-под полумаски.

– Любых неприятностей. Просто имей это в виду.

– Буду иметь… – с выражением, далеким от почтительного, пробормотал Торвард и сплюнул, с уверенным превосходством разглядывая ряды противника, начиная с самого короля. – Ну, Хавган, можно приступать или надо еще что-нибудь сказать?

Риг Минид тем временем сделал несколько шагов вперед. При нем был вытянутый щит, разрисованный спиральными узорами, и меч с рукоятью, отделанной узорной бронзой.

– Приветствую тебя, Торвард конунг, сын Торбранда! – заговорил он. – Приветствую тебя, муж, не привыкший надолго отходить от оружия, князь кораблей, всадник коней Мананнана мак Ллира, ветер над морем, пахарь пены и сеятель весел! Приветствую тебя, Дракон Восточного моря, чей стяг развевается над землями и водами!

– Ого! – Эйнар впечатлился. – А этот мужик мог бы стихами здорово зарабатывать!

– Запоминай, потом за свое выдашь! – буркнул Ормкель.

– Приветствую тебя, риг Минид, правитель острова Банба! – коротко ответил Торвард. Сейчас, когда его вечная жажда хорошей драки была близка к утолению, он держался почти спокойно. – Я пришел сюда за славой и добычей. Если ты согласен дать мне выкуп за жизнь твоего рода и твоих людей, а в дальнейшем в течение трех лет отдавать мне треть всех доходов с твоей земли, то разойдемся мирно. Если нет – то уже сегодня твоя земля осиротеет. Что скажешь?

– Никогда не бывало, чтобы потомки Банбы и Луга сдавались и признавали себя побежденными до битвы! Богиня Бодб омыла в крови дышла своей колесницы, а сестра ее Морриган приготовила кубок кровавого хмельного пива! Красен и пенист кубок в руках богини, и доблесть без робости и сожалений горит в сердцах героев!

Хавган едва успевал переводить, будучи в восторге от столь пышного красноречия. Если какой-то оборот ему не совсем нравился, он переделывал его на свой вкус, но слушателям было все равно.

– Ну, омыла так омыла, – ответил Торвард и после этого довольно долго ждал, пока Хавган закончит многословный, наверняка полный цветистой отсебятины перевод. – Когда ты будешь побежден, твои наследники в течение трех лет будут отдавать мне треть своих доходов.

– А если ты будешь побежден?

– Тогда тебе достанется все то, что есть у нас. – Торвард кивнул на строй своей дружины, имея в виду оружие и прочее.

– Такая сделка не равна!

– А другой я тебе не предлагаю! – Торвард повысил голос. Его терпение сейчас истощалось очень быстро. – Кончай болтовню и берись за оружие, и пусть каждый возьмет, что сумеет взять!

Щит на ремне он повесил на плечо, а в руках держал секиру на длинной рукояти. И с этой секирой он сразу пошел вперед, обрушивая на Минида один за другим сильные удары и стараясь разбить щит, которым тот прикрывался. Риг Банбы, не устрашенный этим напором, наносил удары в ответ, и один раз лезвие его меча даже скользнуло по левому плечу Торварда. Благодаря кольчуге Торвард остался невредим, но разозлился. Размахнувшись, он с силой ударил секирой сверху в кромку щита. Щит оказался разрублен, но лезвие завязло в досках. Торвард тут же выпустил рукоять, выхватил из ножен меч и одновременно перекинул собственный щит из-за спины вперед, на левую руку.

Минид тем временем был вынужден бросить щит, и теперь остался только с мечом против конунга фьяллей, имеющего меч и щит. Любой другой противник в таком положении уже мог считать себя покойником, но риг Банбы не зря занимал свое положение и, хотя был лет на пятнадцать-двадцать старше Торварда, не утратил с годами быстроты и ловкости движений. Наоборот, сам Торвард, в кольчуге, стегаче и со щитом, уступал ему в подвижности и потому никак не мог воспользоваться своим преимуществом. Минид мгновенно уклонялся от его ударов, отскакивал, но при этом не забывал бить сам, заставляя Торварда прикрываться щитом.

Торвард едва успевал отражать удары, сыплющиеся, казалось, сразу со всех сторон, и чудом сумел заметить, когда Минид, крутанувшись, вдруг оказался у него за спиной. Удар острия меча, направленный ему в затылок, под кромку шлема, Торвард не увидел, а скорее почувствовал; резко повернувшись, он закрылся щитом, но Минид снова крутанулся в другую сторону и с размаху ударил ниже, на уровне пояса.

Не успев поднять щит, Торвард принял новый удар на меч. Раздался звон – и клинок Торварда сломался, оставив его с обломком длиной в ладонь.

Взвыв от торжествующей радости при виде безоружного врага, Минид занес меч и с силой ударил сверху вниз, намереваясь разрубить голову противника. Торвард успел вскинуть щит и закрыться, но сила удара была такова, что под его тяжестью он упал на колено. Сверху с грохотом обрушился еще один удар.

А после этого Торвард, с силой оттолкнувшись ногой от земли, вскочил и толкнул Минида плоскостью щита. Третий удар оказался сбит, Минид пошатнулся; Торвард мгновенно метнул в него бесполезный обломок меча и тем заставил на какое-то мгновение отвлечься. Вскинув меч, Минид отшвырнул летящий в лицо обломок, но упустил из виду самого Торварда. А конунг фьяллей тем временем перехватил свой щит обеими руками и с силой ударил кромкой Минида в живот. Тот согнулся, и второй удар пришелся ему в голову. Хоть голова его и была защищена бронзовым шлемом, от силы удара Минид упал и покатился по траве; пытаясь подняться, он перевернулся на живот, уперся в землю, и тут Торвард со всей силой обрушил третий удар ему на шею.

И выпрямился, тяжело дыша и держа обеими руками изрубленный щит. Возможно, со сломанными шейными позвонками риг Банбы был еще жив и только обездвижен, но это уже было все равно. Пошатываясь от напряжения, Торвард подобрал оброненный противником меч и одним ударом отделил его голову от тела. И поднял на вытянутой руке эту голову, держа за бронзового гуся на верхушке шлема.

Фьялли закричали и завыли, приветствуя победу своего вождя. Телохранители бегом кинулись вперед, прикрывая конунга, чтобы дать ему возможность снова вооружиться и отдышаться.

А улады тем временем двинулись вперед, оглашая равнину боевыми кличами. В странах Морского Пути войско, устрашенное гибелью вождя, скорее всего отступило бы, но улады считали смерть рига жертвой, в обмен на которую боги дадут им победу, поэтому кинулись на врага, ничуть не менее воодушевленные всем увиденным, чем сэвейги. В дружине уладов заревели длинные бронзовые трубы, фьялли звонко ударили мечами в железные умбоны щитов, дружно закричали, и «клин» быстро двинулся вперед.

Сомкнув строй и ощетинившись копьями, улады поначалу не давали им подойти на расстояние удара, а от бросаемых копий закрывались щитами. Но Торвард знал, что делать в таких случаях. Когда до выставленных вперед копейных жал оставалось несколько шагов, края фьялльского строя вдруг подались в стороны, середина прогнулась назад. Теперь, чтобы по-прежнему держать всех под прицелом, улады вынуждены были уменьшить плотность своего строя – между жалами копий появились промежутки, достаточные для того, чтобы ловкий человек проскочил между двумя наконечниками, и фьялли мгновенно устремились вперед. Вот Хьерт Вершина уложил одного из уладов – рослого, широкого, как бык, – и в промежуток,

открывшийся после падения такого крупного тела, немедленно устремились Фроди и Скъяльг, ловко действуя мечами и расширяя проход для следующих.

Вонзившись в пестрый уладский строй, фьялли раскололи его, развернулись и, не давая уладам снова выстроиться, принялись работать мечами. Защищенные только бронзовыми шлемами и продолговатыми щитами, улады были более уязвимы, к тому же их ловкость и искусные боевые приемы были рассчитаны на единоборство и требовали свободного пространства, но были почти неприменимы в тесноте общей схватки. А фьялли, сомкнув ряды и образовав с двух сторон «стену щитов», наступали решительно и слаженно, уверенно тесня уладов. Дружина короля и фении, не защищенные ничем, кроме доблести, уже были перебиты или тяжело ранены, крестьяне бежали, побросав свои топоры. Войско сэвейгов огласилось победными кличами.

Торвард окинул взглядом поле битвы. Для него с самого начала не было вопросом, удастся ли победить. Как дровосек, начиная рубить дерево, точно знает, что так или иначе его срубит, так и для Торварда победа была вопросом только времени и способа. Проклятие Эрхины имело целью лишить его уверенности в себе; вывернутое кюной Хердис наизнанку, оно лишило его даже тени сомнений, от которых не свободен всякий умный человек. Торвард пылал яростной, непримиримой уверенностью в своем превосходстве, и это могло дорого ему обойтись при встрече с истинно могучим противником.

И такого противника он вдруг увидел. Подняв глаза от убитого Минида, Торвард застыл: прямо на него шла женщина исполинского роста, вдвое выше него, с широченными плечами, огромными сильными руками, в бронзовом шлеме с таким же, как у мертвого короля, бронзовым гусем на верхушке. В руках она держала щит и огромный меч, а выпученные глаза горели яростным огнем. Размахивая оружием и завывая низким грубым голосом, она шла прямо на сэвейгов.

– Богиня Банба! Священная мать! Банба с нами! – кричали улады, и Торвард, услышав имя матери-покровительницы острова, их понял.

Кровь рига Минида, пролитая на поле битвы, послужила жертвой и вызвала на помощь саму богиню. От уладской дружины уже мало кто оставался, но один удар исполинского меча опрокинул сразу двоих сэвейгов, и кровь брызнула прямо в лицо Торварду.

И он словно проснулся: его глаза вспыхнули, из груди вырвался крик яростной радости, и он бросился навстречу великанше, будто всю жизнь мечтал об этой встрече. Подхватив с земли копье, он метнул его прямо в лицо Банбе, и она едва успела прикрыться щитом, а Торвард уже оказался возле ее ног и ударил мечом по бедру. Великанша в ответ взмахнула мечом, и Торвард отпрыгнул. Но только для того, чтобы снова нанести удар.

Домочадцы Аскегорда как о диковине, бывало, рассказывали, что их молодой конунг может прыжком с места, без разбега, достать до потолочной балки в гриднице – и даже сам Торвард иной раз, подвыпив и развеселившись, показывал это любопытным гостям, прыгал с места вверх и предъявлял потом ладонь с отпечатком потолочной копоти. Как и все развлечения подобного рода, это была не просто забава и не просто бахвальство своей ловкостью и силой – в бою все эти способности находили применение. Вот и сейчас Торвард в прыжке несколько раз достал великанше мечом до плеч, до груди и даже до шеи, но она не давала ему вонзить меч достаточно глубоко, чтобы нанести серьезную рану.

В первые мгновения опешив при виде чудесной и внушающей ужас фигуры, фьялли, когда их вождь вступил в бой, тут же опомнились и с криками, призывая на помощь Тора и Одина, устремились вперед. Даже самые рослые из них едва доставали головами до пояса богини острова, но никто не испытывал страха, наоборот, всех воодушевила возможность такого небывалого подвига. Банба крушила направо и налево своим огромным мечом, который был длиннее человеческого роста, отмахивалась щитом, на котором несколько фьяллей свободно могли бы улечься, но, по правде сказать, оказалась скорее сильным и яростным воином,

чем умелым. А фьяллям пригодилась их знаменитая выучка, которая делала воина не только сильным в бою, но и подвижным. Отпрыгивая и уклоняясь от меча Банбы, каждый готов был снова и снова нападать на нее и бить в любое доступное место. Богиня уже истекала кровью, всю нижнюю половину ее тела покрывали бесчисленные раны, и в ее криках слышалось не меньше боли и досады, чем ярости. Но она не отступала и продолжала косить противника своим мечом, как траву косой.

В дружине Торварда уже насчитывалось не меньше половины раненых, и многие тела лежали неподвижно, но ни один из уцелевших не мог отвлечься, чтобы помочь товарищам. Единственное преимущество фьяллей перед божественной противницей состояло в их численном превосходстве: они нападали со всех сторон одновременно и только так ухитрялись наносить ей повреждения.

У самого Торварда левое плечо тоже было залито кровью, из-за чего он бросил щит и действовал только мечом в правой руке, но он словно не замечал своей раны и не собирался отступать. В нем пробудилась ярость и неукротимость берсерка, священная ярость зверя, которую лучшие воины фьяллей, обучаемые с пятилетнего возраста, умеют пробудить в себе усилием воли и направить на врага. В него вошел дух Тюра, бога-воина: в такие мгновения зрение и слух обостряются, скорость движений возрастает в несколько раз, зато полностью отключается способность соображать. Берсерк не думает, что он делает, – он просто делает, а его единственное стремление в такое время – убивать. Никакое проклятие не имело сил отнять у Торварда это, поскольку единение с богом-воином с раннего детства вошло в кровь и составляло само его существо.

Перед ним находился тот самый противник, которому Торвард был обязан своим нынешним несчастьем. Против него с оружием в руках наконец-то вышла сама богиня, одно из воплощений той Великой Богини, которая устами фрии Эрхины прокляла его. С Эрхиной он не мог сразиться, как сразился бы с любым противником-мужчиной, он не смог ни простить ее, ни убить, и потому его положение под грузом ее проклятья казалось безвыходным. Но теперь Богиня в одном из бесчисленных обличий вышла против него с оружием воина, он мог биться против нее так, как умел, мог применить те силы, которыми владел лучше всех в Морском Пути. Ему казалось, что победа и избавление от проклятья совсем близко – на расстоянии протянутого клинка.

Ревя от боли и ярости, Банба вдруг взмахнула щитом и сбила Торварда с ног. Он упал на спину, но не на землю, а на чье-то неподвижное тело, и под спину ему попала оброненная секира. От боли перехватило дыхание и все в груди сжалось; он дернулся, пытаясь скорее встать, а Банба шагнула к нему и занесла клинок, пытаясь пригвоздить главного из своих противников к земле. Фьялли вокруг вскричали от ужаса, многие бросились вперед, в нерассуждающем порыве пытаясь хотя бы своим телом прикрыть конунга…

Дикий, нечеловеческий, режущий визг обрушился вдруг откуда-то сверху, заставил зажмуриться и отпрянуть.

Словно черная молния пала с безоблачного, светлого неба и горячим вихрем пронеслась над полем битвы. Регинлейв, Дева Грозы, в черной кольчуге, со стоящими дыбом черными волосами пролетела прямо над головой Банбы и с налета ударила ее копьем в глаз. От силы удара великанша опрокинулась на спину, выронив оружие и зажимая глаз руками; Торвард вскочил, а Регинлейв уже исчезла, и многие даже не успели понять, что это было. Все-таки Отец Ратей почитал богов иных земель и позволил покровительнице фьялленландских конунгов вмешаться только при непосредственной опасности для жизни Торварда.

Но теперь Торвард был на ногах и снова бросился к великанше. Она ревела и каталась по земле, не позволяя никому приблизиться, и несколько выпадов не достигли цели или нанесли ей еще пару незначительных ран. Фьялли поднимали с земли копья и метали в противницу, но лицо, горло и грудь она прикрывала своими толстыми руками, и без того залитыми кровью.

Торвард лихорадочно огляделся, выискивая оружие понадежнее. Фьялли вокруг вскрикнули – он обернулся и увидел, что Банба исчезла. Появившись из ниоткуда, она так же и пропала, ушла под землю, растворилась в плоти своего острова, бежала, признав свое поражение.

Ее огромный меч с бронзовой рукоятью и щит, пригодный служить ложем для пары взрослых людей, остались на истоптанной и обильно окровавленной траве.

Торвард, разом обессилев, опустился наземь. Все болело, голова гудела, и он с трудом стащил шлем, вдруг ставший очень тяжелым и неудобным. Одежда с левой стороны пропиталась кровью, дошедшей уже до бедра, разрубленные колечки кольчуги топорщились. Вокруг сидела и лежала вся его ближняя дружина. На ногах остался один только Хавган. Свою арфу он прижимал к груди, а на лице его отражалось упоение безмолвного восторга.

Глава 3

Еще несколько дней войско сэвейгов оставалось в селении. Нужно было похоронить убитых, как уладов, так и своих. Дружина Торварда потеряла тринадцать человек, почти все остальные получили раны. Фродир Пастух был ранен в ногу, Стейнгрим Копыто лишился двух пальцев, и в войске шутили, что его перевязанная рука и впрямь теперь похожа на копыто. Требовалось какое-то время на отдых и лечение, прежде чем дружина сможет хотя бы двигаться дальше, а тем более воевать. Вожди, несмотря на раны, жаждали идти в глубь острова и закрепить успех, пока улады не опомнились и не собрались с силами, но Торвард не видел причин торопиться.

– Я победил их богиню, ее оружие у меня. И голова их короля тоже, – говорил он. – Никто из местных больше не посмеет против меня выступить, этот остров теперь мой. Завтра, так и быть, пойдем и займем его усадьбу. Посмотрим, как живут здешние короли…

Уже назавтра к ним снова явились гости. И это снова оказался уже знакомый сэвейгам Даохан Риабарх Ферен мак Минид. В битве он не участвовал, поэтому был жив, здоров и даже привел с собой десяток таких же разряженных воинов в красивых бронзовых шлемах.

Желая выкупить для погребения тело и голову павшего короля, улады привезли богатые дары: две золотые чаши, десяток серебряных кубков, пару больших бронзовых котлов с узорной окантовкой. Торвард не удивился: наследнику Минида было самое время просить мира. Хавган советовал голову не отдавать, поскольку обладание головами побежденных противников на уладских островах считалось предметом гордости. Иные герои хвастались перед гостями целыми собраниями засушенных голов, украшавших пиршественные покои, и способ сохранности этих «украшений» тут был возведен в особое искусство. Барды о таких собраниях складывали особые песни под названием «перечень голов», в которых перечислялись по порядку все победы того или иного вождя. Но Торвард принял подарки: раз уж противник мертв и больше не сопротивляется, его голова и прочие части тела у Торварда не вызывали никакого интереса. В качестве добычи его вполне устроило оружие Минида, украшения и шлем «с курицей», как Эйнар упорно продолжал называть гуся, символ воинственности и отваги. Торвард даже не стал торговаться за дурно пахнущее «сокровище» и с сыном рига разговаривал почти приветливо. После поединка с богиней Банбой он успокоился и на душе у него стало так легко, как до проклятья или сразу после встречи с госпожой Айнедиль, как будто излишняя ярость вышла из его тела вместе с кровью, пролитой на поле. Рана на левом плече, длиной почти до локтя, но, к счастью, не глубокая, тоже требовала покоя хотя бы на некоторое время.

– В лице Айнедиль к тебе пришла Богиня, и Банба тоже – Богиня, – говорил ему Сельви. – В лице госпожи Айнедиль Богиня хотела любви, и ты дал ей любовь, а лице Банбы она пришла драться, и ты дал ей отличную драку. Когда ты вынуждаешь Богиню выйти к тебе и даешь ей то, чего она хочет, тяжесть проклятия ослабевает.

– Надолго ли?

– В прошлый раз хватило на пару месяцев. Как сейчас будет, не знаю. Увидим. Но если я прав, то это – способ борьбы с проклятьем.

Торвард благодарно сжал его плечо. Он ушел из дома, чтобы поискать способ борьбы с проклятьем, и в ходе испытаний, которые судьба располагала на его пути, что-то действительно вырисовывалось. А Сельви, как сведущий в таких делах человек, помогал обобщить и понять то, чего сам Торвард сразу не улавливал.

– Я принимаю ваши дары, – через Хавгана ответил Торвард уладам. – Но я еще поставил условие, что треть доходов с вашей земли в течение трех лет будет принадлежать мне. Ты подтверждаешь его?

– Я готов отдавать тебе треть моих доходов, поскольку, увы, земля Банбы оскудела доблестными воинами – ведь самые доблестные гибнут первыми, а значит…

– Первыми погибли все! – вставил Эйнар.

– Но! – продолжал Даохан. – На земле Банбы тебе больше негде проявить твою доблесть, а я хочу указать тебе другого, более сильного и опасного врага! Риг Брикрен мак Лугайд, Брикрен Биле Буада с острова Снатхи объявил Поход Каменного Трона!

Судя по выражению его лица и голоса, слушатели были обязаны подскочить от ужаса или хотя бы затрепетать, но сэвейги не поняли, в чем дело, и только недоуменно пожали плечами.

– Это означает, что риг Брикрен объявил о своем намерении подчинить себе все Зеленые острова, ибо только звание ард-рига дает ему право сесть на Каменный Трон, где сидел некогда сам Светлый Луг, озирая свои владения, – пояснил Даохан. – Остров Голуг уже покорился ему, сейчас он повел свое войско на остров Клионн, а вслед за тем он непременно явится сюда! Я предлагаю тебе союз против Брикрена, Торвард конунг. Брикрен наиболее богат среди всех королей уладских земель, и если ты победишь его, то возьмешь поистине огромную добычу.

Торвард задумчиво смотрел на него, вертя в пальцах золотую чашу, на боках которой шла куда-то цепочка воинов с копьями, в таких же шлемах с птицами, как и на тех, кто стоял перед ним. Он понимал, что в его лице судьба преподнесла острову Банба весьма неприятный и несвоевременный дар. Именно сейчас, когда все силы нужно было бросить на борьбу с новоявленным ард-ригом, появились сэвейги и перебили всех защитников Банбы, начиная с короля. У наследника, оставшегося почти без войска, просто нет другого выхода, кроме как примириться с первым завоевателем и попытаться сделать его союзником. То есть руками одного врага воевать с другим врагом. Очень умный и удачный выход, особенно когда никакого другого не остается. Но Торвард не имел ничего против союза с бывшим врагом, если это пойдет на пользу обоим.

– Я не против повоевать с королем Буадой, или как там его зовут, – сказал Торвард наконец.

– Риг Брикрен Биле Буада мак Лугайд, – с готовностью подсказал Даохан.

– Он хочет завоевать Зеленые острова, и я тоже хочу завоевать Зеленые острова, а это, что ни говори, достойный повод подраться. – Торвард усмехнулся. – И мы уже оба не без успехов. Он завоевал Голуг и, наверное, Клионн, а я завоевал Банбу. Я мог бы сначала убить тебя, посадить здесь ярла из своих людей и уже после этого биться с Буадой. Мир с тобой, Даохан мак Минид, мне не нужен, потому что немирье мне ничем не грозит, а для тебя это смерть, как ты и сам понимаешь. Условия мои таковы. – Торвард помолчал, давая Хавгану возможность перевести, потом продолжал: – Из всех сокровищ твоего отца ты отдаешь мне две трети. Они мои по праву, ведь я убил его на поединке. На все то время, что мы будем вместе сражаться с Буадой, ты снабжаешь мое войско припасами и всем необходимым. И после того как наши враги будут разбиты, ты еще пять лет отдаешь мне треть всех доходов с твоих земель. Как Банбы, так и тех, которые станут нашими к концу похода. А там поглядим. Через пять лет мне ведь тоже нужно будет чем-то развлекаться… – проворчал он и махнул Хавгану, чтобы это не переводил.

Даохан с трудом сохранял спокойствие, слушая эту речь, но последние переведенные ему слова – насчет земель, «которые станут нашими к концу похода», – его несколько успокоили. В них содержался слишком заманчивый намек, чтобы наследник Минида, скорее осторожный, чем отважный, мог им пренебречь. А что в устах конунга фьяллей это не пустая похвальба, он убедился на собственном опыте.

– Я согласен, но хочу, чтобы и ты дал клятву не отступать и не прекращать войны с ригом Брикреном, пока он не будет убит или не принесет нам клятву мира и покорности, – ответил Даохан.

– Я не отступаю, если берусь за что-то, и мне нет нужды клясться в собственной доблести. Я доказываю ее делом, и твой отец уже в этом убедился. А сейчас, пожалуй, пора тебе пригласить нас к себе. Чтобы мы могли вместе пересчитать и оценить сокровища твоего отца.

Войско покинуло разграбленный поселок и к вечеру перебралось в королевский бруг. Многим сэвейгам было любопытно поближе взглянуть на сооружения, подобных которым в Морском Пути не имелось. Королевское жилище располагалось, как водится, на холме, склоны которого были с трех сторон покрыты густым колючим кустарником, а с четвертой стороны резкий обрыв вел к реке. Его укрепления состояли из земляного вала на прочной бревенчатой основе, достаточно крутого и высокого, с частоколом на вершине. Внутри вала находилась круглая башня, выложенная из серо-белых обтесанных известняковых плит, под зеленой дерновой крышей. Вокруг башни, которую здесь называли «брох», прилепились в беспорядке какие-то сарайчики, землянки и хижины, выстроенные из дерна, с крошечными окошками – вроде тех, в каких жили местные пахари и пастухи. В этих хижинах ютились рабы, слуги, а то и земледельцы, нашедшие защиту возле короля.

Войдя в башню, фьялли были несколько разочарованы – внутри не оказалось почти ничего. Ни лавок, ни резного ложа, ни ларей и сундуков. Посреди пола виднелся широкий очаг, а вдоль стен выстроились низенькие столики.

– Да, бедно живете! – разочарованно приговаривали сэвейги, оглядываясь. Они-то рассчитывали увидеть везде золотую и серебряную посуду, драгоценное оружие, бронзовые светильники, резное дерево, узорные ковры, цветные ткани и прочее богатство. – Конунг, а у него правда есть все то добро, которое он теперь должен нам отдать?

– Это что, на подземных карлов рассчитано? – с изумлением расспрашивали хирдманы, глядя на столики, маленькие даже для детей.

– Не беспокойтесь, когда мы устроим пир, весь пол покроют свежим тростником, и сидеть будет очень удобно! – успокаивал Даохан, но гости не слишком его понимали.

За исключением середины, все пространство башни было разделено на узкие помещения, которые Эйнар тут же обозвал «стойлами», – по направлению от стены к середине покоя тянулись деревянные перегородки, из-за чего башня внутри выглядела как каравай, нарезанный ломтями. В «стойлах» виднелись лежанки, устроенные из сена и шкур, на них сидели челядинцы Даохана, обняв голые коленки – ибо всю их одежду составляли длинные рубахи и прямоугольные плащи из грубой шерсти, верхний край которых при ненастной погоде набрасывался на голову. Зато вот бронзовые светильники, застежки, браслеты, иной раз позолоченные, тут и впрямь обнаружились – видимо, бронзовые застежки казались уладам более необходимыми, чем лавки и лежанки.

По высоте башня была разделена пополам дощатым помостом, на который вела лестница, проходящая через круглое отверстие. В сопровождении гостеприимного хозяина поднявшись туда, Торвард оказался в таком же просторном помещении, только без очага, зато с окном, из которого открывался широкий вид на округу. Впервые в жизни попав на второй этаж, имея под ногами вместо привычного, истоптанного многими поколениями предков земляного пола какие-то щелястые доски, Торвард чувствовал себя неуверенно и даже не сразу решился сделать шаг к окну.

– Чудно как! – пробормотал Халльмунд, ощущавший то же самое. Осторожно переставляя ноги, он каждый раз оглядывался, точно хотел убедиться, что не слишком далеко отошел от лестницы, ведущей вниз, к привычному наземному существованию. – Хуже, чем на корабле.

– Ты сюда погляди! – Эйнар первым добрался до окна и теперь таращил глаза, на всякий случай покрепче вцепившись в косяки. – Борода! Конунг! Ормкель, где ты, старое чучело! Иди тоже погляди, а то так и помрешь невеждой! Это же надо придумать – сидя в доме, видеть все окрестности!

Было чему удивиться – дома сэвейгов строились без окон, а только с крошечными дымовиками.

– То ли это дом, то ли двор, то ли корабль! – приговаривал Кетиль Лохматый. – Чудные люди эти улады!

На верхнем этаже тоже было несколько перегородок, отделявших помещения. Дверями служили шкуры или даже цветные занавески.

– А там что? – с любопытством спросил Торвард.

– Это называется грианан, то есть «солнечный покой».

– И что там есть? – Торвард подошел к двери и взялся за узорное бронзовое кольцо.

– По обычаю, помещения грианана занимают девы и жены, – с неохотой пояснил Даохан. – Здесь обитает королева Хелиген, дочь Банбы, супруга моего покойного отца.

– Твоя мать?

– Моя мать, прекрасная Руадфлат, дочь Муадана Победоносного, умерла две зимы назад. После того мой отец добился чести стать мужем королевы Хелиген и с ее рукой унаследовал власть над Банбой.

– Стой, так ты не королевского рода? – Торвард поднял брови.

– Среди моих предков есть короли и королевы. – Даохан горделиво приподнял голову. – Потому прекрасная Хелиген и избрала моего отца в супруги.

– Не понял. – Торвард оглянулся на Хавгана. – Ты лучше объясни.

– Дело в том, конунг, что в уладских землях власть передается по женской линии…

– А! – сообразил Торвард. – Вспомнил.

– И новым королем становится не сын или брат прежнего, а муж его дочери или сестры. Королева Хелиген – наследница королевской власти на острове Банба, и риг Минид стал королем, добившись ее руки.

– Ну, пойдем посмотрим на королеву. – Торвард толкнул дверь.

– Не следовало бы тебе вторгаться к ней, не испросив позволения. – Даохан задержал его, встав перед дверью и преградив путь.

– У кого? – выразительно подняв брови, осведомился Торвард, имея в виду, что других хозяев, кроме него, у этого дома сейчас нет.

– У королевы! Ибо прекрасна она и священна, та, что почитается дочерью самой Банбы…

– Ваша Банба уже пыталась меня сюда не пустить. – Торвард усмехнулся. – Теперь окривела немножко. А если ее так называемая дочь хоть чуть-чуть на матушку похожа, то не волнуйся – мне таких красоток даром не надо!

И он вошел в покой. Даохан, сжимая челюсти от бессильной досады, вошел вслед за ним – помешать конунгу фьяллей он сейчас не мог.

Здесь, в спальне королевы, действительно имелось все то, что фьялли ожидали найти в королевском жилище: и резное широкое ложе, покрытое собольим мехом, и бронзовые светильники, и цветные ковры, и сундуки с позолоченной отделкой, и золотые ожерелья на груди нарядной женщины.

– Это Хелиген, дочь Лабрайда Боевого Вепря, Хелиген с белой грудью, красотою облика превосходящая всех дев уладских! – представил Даохан женщину, вставшую с ложа при появлении гостей.

Торвард окинул хозяйку оценивающим взглядом и не нашел ее такой уж прекрасной. Он бы ей дал лет двадцать с небольшим, но холодное, если не сказать кислое выражение делало ее старше. Правда, и сходства с могучей богиней Банбой тоже не наблюдалось. Лицо у королевы Хелиген оказалось слишком вытянутое, нос великоват, а тонкие губы так плотно сжаты, будто она решила никогда и ни с кем больше не разговаривать. К тому же она выглядела слишком худой, почти костлявой, будто королеву в этой стране совсем не кормили. Похвастаться она

могла разве что волосами – рыжие, длинные и густые, они спускались ниже пояса и были перехвачены золотым обручем.

На вошедших Хелиген глянула с надменностью и без малейшего дружелюбия – видно, уже знала, кто это.

– Это, королева, Торвард конунг, конунг фьяллей, доблестнейший вождь, владетель острых оружий, непобедимый Дракон Восточного моря! – продолжал Даохан.

– Постой, – Торвард остановил его. – Но если королем становится ее муж… А Минида больше нет… Получается, что у Банбы сейчас вовсе нет короля? И ты тут, собственно, никто?

Он устремил на Даохана насмешливый и пристальный взгляд. «Так какого тролля я с тобой разговариваю, если ты не наследник королевской власти, а пустое место?» – выражал этот взгляд, и Даохан, поняв его, побледнел от досады.

– Но ведь королева Хелиген может избрать и другого мужа, – ответил он наконец. – И я надеюсь, она не отвергнет сына того, кто столько лет служил верной опорой и надежной защитой земли Банбы!

– Надежной! – хмыкнул Халльмунд. – Пока мы не пришли…

– И я надеюсь, что во имя нашей дружбы ты не станешь препятствовать тому, чтобы я, как твой союзник, получил законную власть над этой землей.

– Я подумаю, – отозвался Торвард, еще раз осматривая королеву Хелиген. Она ему совершенно не понравилась, но если эта женщина и есть Напиток Власти на острове Банба, то почему бы не дать ей нового мужа из своих людей? Вон, Эйнара например. – Во имя дружбы, говоришь…

Торвард понимал, что их союз с Даоханом еще рано называть дружбой, поскольку никаких теплых чувств сын Минида ему не внушал – ощущалось в нем какое-то топкое дно, как в болоте, и Торвард доверял ему ровно настолько, насколько чувствовал себя сильнее. Даохан не дурак, чтобы кидаться с ножом на предводителя целого войска, но дружба его настолько крепка, насколько сильно это самое войско, не более того.

Несколько дней ушло на погребение рига Минида (вместе с выкупленной головой), осмотр, подсчет и дележ сокровищ. Сэвейги обшарили весь бруг и нашли все то, что предусмотрительные короли спрятали от чужих глаз. Причем некоторые находки удивили самого Даохана. Возможно, что спрятал их не Минид и даже не его предшественник, а кто-то задолго до них.

Королева Хелиген ни разу не спустилась из грианана, и Торвард ее не звал – ему не было до нее ровно никакого дела. Взять на этом острове все, что ему нужно, он мог и без ее позволения, а оставаться здесь надолго и пытаться занять место короля, как иной раз делали наиболее удачливые из безземельных «морских конунгов», он не собирался. Сама же она оказалась недостаточно красива, чтобы его привлечь: сейчас в его распоряжении имелось сколько угодно юных и более красивых пленниц, а знатность девушки, согревающей постель, в его глазах не имела никакой цены. Хавган, правда, пытался ему объяснить, что обладание королевой принесло бы ему великую честь, но Торвард, как и в случае с головой Минида, только ухмыльнулся.

– Знаешь, надо мной своя же дружина смеяться бы стала, если бы я вздумал спать с этой костлявой лошадью, – сказал он. – Уж лучше простая, да хорошенькая. А знатности мне и своей хватит – по самое не могу!

Хавган только вздохнул. Происходя от вождей Морского Пути, ведущих свой род от Отца Богов, и от древних властительниц круитне, наследниц и дочерей Великой Богини, Торвард превосходил знатностью даже королеву Хелиген – и для него разница между нею и простой пастушкой была не так уж велика.

Поэтому Торвард не интересовался королевой и не возражал против того, чтобы Даохан проводил у нее каждый вечер, пока не добился наконец чести однажды остаться на ночь. Понимая, что никакого благоговения захватчики к ней не испытывают, и не желая разделить участь

проданных в рабство уладских дев, королева Хелиген была вынуждена принять покровительство Даохана, тем самым дав ему законное право называться ригом Банбы. Теперь сын доблестно павшего Минида стал чувствовать себя более уверенно, хотя и понимал: пока Торвард остается на острове, он, Даохан, будет здесь хозяином ровно настолько, насколько ему позволит конунг фьяллей, а не королева Хелиген. Но конунг фьяллей пришел сюда не навсегда…

Сэвейги залечивали раны и чинили поврежденное в битве оружие, а Даохан тем временем собирал войско для похода против рига Брикрена. Каждый из двух вождей по ночам выставлял дозорных, опасаясь предательства, но молодой правитель Банбы не замышлял зла против тех, кто сейчас был его почти единственной надеждой на успех. Объехав весь остров, он сумел собрать еще около пяти сотен воинов. Уцелевших фениев, которые так или иначе не успели или не сумели откликнуться на два первых призыва, набралось всего двадцать три человека, остальные были простолюдины. Причем единственным оружием многих оказалась только игла нагрудной застежки – эти чудные местные застежки служили и доспехом, и оружием сразу, поскольку их огромные кольца закрывали почти всю грудь, а иглы были длиной больше локтя и действительно напоминали маленькие мечи.

Дней через десять войско было готово. Приходилось торопиться, пока риг Брикрен не вернулся домой на Снатху, усиленный, возможно, остатками войска бывших противников.

– Лучше бы дать тому козлу вернуться, привезти всю добычу, тут мы его бы и взяли! – рассуждал Хедин Удалой, и многие кивали в знак согласия. – А то мы его землю займем, он не станет возвращаться, и вся его добыча с двух островов пойдет к троллям!

– Никуда он от нас не денется, – отвечал Торвард. – Мы захватим его остров, а потом, когда узнаем, где он находится, выйдем ему навстречу. Перехватывать его в море опасно, вся добыча пойдет на дно. А вот подстеречь его на берегу, на Клионне или на Снатхе, будет удобно. Главное, чтобы он о нас не узнал заранее.

– Можно попросить колдунов, чтобы прикрыли наше войско облаком колдовского тумана! – предложил Даохан, но лица сэвейгов скривились: пользоваться колдовством они не любили.

Торвард молча сплюнул: колдовской туман и тому подобное внушало ему отвращение, ибо напоминало о Бергвиде Черной Шкуре и прочих неприятных вещах из недавнего прошлого.

– Может быть, стоит и потерпеть! – заметил благоразумный Халльмунд. – А то Буада забьется в какую-нибудь щель вместе со всеми сокровищами, и ради какого тролля мы здесь будем топтаться?

– Нет, он не забьется! – утешал сэвейгов Даохан. – Это же риг Брикрен, по прозванию Дерево Славных Деяний! Это доблестный, отважный муж! Завидев врага, смело он устремляется в бой, подобно соколу на добычу!

– Ну и хорошо, – равнодушно заметил Торвард. – Приятно, когда врага не надо долго искать.

На рассвете войско двух королей отплыло от берегов Банбы. Первыми шли шесть больших кораблей с дружинами Морского Пути, следом тянулось множество маленьких лодочек-куррахов, сплетенных из прутьев и обтянутых коровьими шкурами. Их были сотни, и, хотя в каждую помещалось всего несколько человек, общее впечатление получалось весьма внушительное. Примерно о таком улады и эринны складывали песни, расписывая «войско бесчисленное, как волны морские».

Ветра почти не было, приходилось идти на веслах. Над морем висел туман, скрывая их приближение, будто Даохан все-таки прибегнул к помощи колдунов. Но спросить его об этом пока не получалось, поскольку куррахи отстали от лангскипов, и сэвейги беспокоились, что те в тумане заблудятся.

– Еще приплывут к тому Буаде, или как его там! – ворчал Ормкель. – Будут воевать на его стороне, а потом скажут, что в тумане перепутали!

– Не надо смотреть на жизнь так мрачно! – утешал его Сельви. – Улады в этом море дома и дорогу способны найти не хуже нас.

– Оно-то и плохо…

Пока их появление не было замечено, Торвард приказал дружинам высадиться и занять луговину, где паслось несколько коров. Обрадованные легкой добычей, сэвейги быстро забили скотину и разделали туши.

– Эти козявки до вечера не догребут, а мы тем временем успеем поужинать! – смеялся Стейнгрим Копыто, особенно не расположенный упускать хоть что-нибудь, на что можно было наложить руку.

– Пока эти козявки догребут, мы уже успеем сразиться и раздобыть кое-что получше, чем три тощие коровы! – Халльмунд тронул Торварда за рукав. – Конунг, глянь, вон там, на склоне, видишь, правее большого серого камня? Провалиться мне, если там не сидит пара волосатиков!

Волосатиками фьялли успели прозвать фениев.

Халльмунд оказался прав. Их все-таки заметили, и где-то далеко раздавался звук рога, созывающий окрестных фениев к тому месту, где появилась нужда в их доблести. Но, вероятно, большую их часть риг Брикрен увел с острова вместе с войском, поэтому прошло немало времени, прежде чем защитники Снатхи смогли выйти навстречу захватчикам.

Квитты, которых дразнили вечно голодными, и вандры, не упускавшие случая набить брюхо впрок, уже разожгли костры и жарили двух доставшихся им коров, разрубив туши на большие куски.

– Нечего ушами хлопать, на всех не хватит! – покрикивал у своего костра Хедин Удалой.

– Конечно, не хватит! – хмыкнул Эйнар. – Конунг, к нам гости!

Но теперь Торвард и сам заметил. Со склона холма, по тропинке, которая вилась между серыми стволами буков, на луговину сходила фианна во всей красе. Небольшой отряд насчитывал около десятка мускулистых воинов, чьи бороды густыми прядями спускались ниже пояса, а волосы были заплетены во множество косичек и уложены в затейливые прически. В обнаженных загорелых руках фении сжимали луки, копья с раскрашенными древками и продолговатые щиты.

– Когда они воевать успевают – все время небось на дурацкие косички уходит! – хмыкнул Халльмунд.

– Конунг, прикажи скорее строиться и поставь меня вперед! – умолял Эйнар, отчаянно сжимая копье. На его шее уже висели две золотые цепи из крупных узорных звеньев с красной эмалью, делать которую умели только улады. Ранее эти сокровища принадлежали защитникам Банбы, но у Ормкеля, его вечного соперника, таких же цепей было три, да еще два браслета в придачу, не считая всякой мелочи, и Эйнару не терпелось его обогнать. – Прикажи начинать, разобьем их поскорее, пока не… Ой, посмотри, у вон того здорового, в синем плаще, какая… – Его горящие глаза были прикованы к блестящей золотой застежке на груди фения, шедшего впереди. – Это мое! Этот мой, все слышали! Кто его тронет, будет иметь дело со мной!

– Остынь! – осадил его Торвард. – Сдается мне, что это их вождь. Тогда он – мой. И застежка моя. А ты пока пригляди себе добычу помельче.

– А то орешь, как чайка над тухлой рыбой! – добавил Ормкель.

Хирдманы вокруг захохотали, Эйнар принялся огрызаться. Намеченный им улад и правда походил на вожака – рослый, сильный, с широкими плечами и особо замысловатой прической, он в придачу в оружию держал в руке рог, звук которого сэвейги недавно слышали. Застежка его и впрямь была хороша, а лодочки войска Банбы еще лишь мелькали на горизонте, и у Торварда не хватило терпения дожидаться.

– Их слишком мало! – Он взмахнул рукой, приказывая никому из своих людей не двигаться. – Они идут не сражаться, а только назначить время битвы. Хедин, можешь спокойно есть своих коров.

– А это что? – вдруг пробормотал Гудбранд Тыща Троллей и выругался, не зная, как еще дать выход своему изумлению. – Конунг, посмотри! Эти трое… на цепи!

В это время и другие заметили, что от предводителя фениев в обе стороны тянутся цепи, соединяющие его с двумя другими уладами, шедшими по бокам. Цепи длиной в несколько шагов и толщиной в палец – причем в толстый мозолистый палец Ормкеля – крепились к поясам и, судя по цвету и блеску, были серебряными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.